K 76 3/102

К 16 3/102

ЕРАТОРЫ и ХУДОЖНИКИ ВОИНАМЪ

RAKSTNEEKI un MĀKSLINEEKI KAREIVJEEM

УЧАСТВУЮТЪ:

Аспазія (пер. Тэкла Фрейнбергъ), Евгенія Гиршбергъ-Пухеръ (пер. Н. М.), Николай Глаголевъ, В. Гюнтеръ (перев. Е. К.), В. Ласкинъ, Ф. И. Липовъ, Е. Магнусгофская, Николай Мухановъ, Н. Пономаревъ, Янъ Порукъ (пер. В. Эглита), Райнисъ (пер. Эд. Вирза и В. Дамберга), В. Таевскій, Всеволодъ Чешихинъ, Евгеній Шаранцевъ. Въ худож. отдѣлѣ: академикъ В. Пурвитъ, скульпторъ Dr. В. Гиршбергъ, художники: Янъ Розенталь, Р. Тильбергъ, Х. Цеплитъ.

PEEDALAS:

J. Akuraters, Fr. Bahrda, A. Baltpurwiņsch, Art. Behrsinsch, P. Blau's, Anna Brigader, K. Bewiņsch, Wiktors Eglits, Pawils Grusna, E. Hirschberg-Pucher (tulk. Lt.), Iwande Kaija, O. Krolls, J. Lihgotnis, Puleera padehls, A. S. Puschkins, (tulk. Karlis Kruhsa), Pawils Rosits, A. Sauleets, Ludwigs Schanteklers, Hans Schmidts, (tulk. Lt.), K. Skalbe, Skuju Fridis, Ed. Wulfs. Mahkslas Nodaļa: akademiķis W. Purwits un mahkslineeki: Janis Rosentals, R. Tillbergs un K. Zeplits un komponists J. Sahlits. Wahka sihmejums J. Rosentala. Fotografija A. Zahlischa. Karikaturas K. Zeplischa.

ИЗДАНІЕ РИЖСКАГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА. РИГА, 1915.
RIGAS LITERATU UN MAHKSLINEEKU BEEDRIBAS ISDEWUMS ..... RIGĀ, 1915.

ОТТО РАМИШЪ, РИГА.

Вмѣсто вступленія.

Война!..

Это крылатое, острое, какъ стрѣла, слово, пущенное изъ пращи тевтонскаго милитаризма, попало въ стальной щитъ защитниковъ мирной культуры. Отзвукъ удара заполнилъ своимъ звономъ всѣ уголки нашей жизни.

Кровавая борьба идетъ за высшее благо, доступное людямъ на землѣ — за миръ.

Потому то въ этой священной борьбѣ, наряду съ повитымъ героическимъ ореоломъ нашимъ воиномъ, приняло живѣйшее участіе и все мирное населеніе страны, лишенное высокой чести — умереть на полѣ брани.

Забота о нашемъ героѣ-защитникѣ стала нашей первѣйшей заботой.

Выпуская настоящій сборникъ, весь чистый доходъ съ котораго идетъ въ пользу бѣднѣйшихъ семействъ нашихъ воиновъ, рижскіе работники пера и художники стремятся внести этимъ и свою скромную лепту на общее святое дѣло. Каждая отдѣльная попытка, каждый лишній грошъ способствуютъ укрѣпленію нашей національной мощи, ведущей Родину къ побѣдѣ надъ сильнымъ и хитрымъ врагомъ.

Редакціонная комиссія.

Eewada weetâ.

Karsch!

Schis spahrnotais, kà bulta asais wahrds, ko laida wahzu militarisma linga, atsitàs meerigas kulturas aissargu tehrauda bruņâs. Siteena skaņas peepildija muhsu dsihwes wisus stuhrischus.

Asiņainà zihņa eet par augstako, sche, semes wirsû zilwekeem eeguhstamo mantu — par meeru.

Tamdehļ schinî swehtâ zihņâ, lihds ar waronigeem muhsu kareiwjeem, dsihwako lihdsdalibu ņem wisi semes meerigee eedsihwotaji, kuŗeem naw peeschķirts augstais gods, mirt us kaujas lauku.

Gahdiba par muhsu waroni-aisstahwi ir kļuwusi par muhsu wispirmo usdewumu.

Isdodot scho krahjumu, no kuŗa wiss skaidrs atlikums nahk par labu kaŗâ eesaukto nabadsigakàm ģimenem, Rigas rakstneeku un mahkslineeku aprindas puhlas eenest ir sawu maso seedu kopejâ swehtâ leetâ. Katrs atsewischķs mehģinajums, katrs leeks grasis weizina nostiprinat muhsu nazionalo warenibu, kas wed Tehwiju us uswaru par stipro un wiltigo eenaidneeku.

Redakzijas komisija.

Извлеченіе изъ Устава Рижскаго Литературно-Художественнаго Общества.

Изъ § 1. «Рижское Литературно-Художественное Общество имѣетъ цѣлью объединеніе и сближеніе литераторовъ и артистовъ всѣхъ отраслей изящныхъ искусствъ.»

Изъ § 33. Члены Общества въ общихъ собраніяхъ имѣютъ право говорить на трехъ мѣстныхъ языкахъ, т. е. на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ . . . изданія Общества . . . печатаются также на одномъ или всѣхъ трехъ вышеупомянутыхъ языковъ . . .

Iswilkums no Rigas Literatu un Mahkslineeku Beedribas statuteem.

No 1. §. «Rigas Literatu un Mahkslineeku Beedribas mehrķis ir literatu un wisu dailes nosaru mahkslineeku apweenoschana un tuwinaschana.»

No 33. §. «Beedribas beedreem pilnâs sapulzês ir teesiba runat trijâs weetejâs walodâs, t. i. kreewu, wahzu un latweeschu... Beedribas isdewumi... teek drukati waj nu wenâ waj wisâs trijâs peeminetâs walodâs.»

Обложка художника Я. Розенталя.

Приложенія:
Академика В. Пурвита: „Въ Царскомъ Саду."
Художника Р. Тильберга: „Дворцовый гренадеръ."

Wahka sihmejums mahkslineeka J. Rosentala.

Peelikumi:
Akademiķa W. Purwischa: „Ķeisara Dahrsâ."
Mahkslineeka R. Tillberga: „Pils grenadeers."

XV-ar244
K76 3/102

Академикъ В. Пурвитъ. «Въ Царскомъ Саду».
Akademiķis W. Purwits. «Ķeisara Dahrsâ».

ЛИТЕРАТОРЫ И ХУДОЖНИКИ :: ВОИНАМЪ. ::
RAKSTNEEKI U. MAHKSLINEEKI KAREIWJEEM.

ИЗДАНІЕ РИЖСКАГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАГО ОБЩЕСТВА. РИГА, 1915.

RIGAS LITERATU UN MAHKSLINEEKU BEEDRIBAS ISDEWUMS. RIGĀ, 1915.

В. Ласкинъ.

Два кладбища.

I.

Кресты надъ могилами. Сѣрыя плиты
И статуи темныя въ позахъ нѣмого страданья.
По мертвой землѣ тяжело распростерлись граниты,
Какъ тяжкіе грѣшники въ часъ покаянья.

Надъ ними — безмолвные стражи молчанья —
Каштаны угрюмо зеленой листвою нависли.
За ними не видно небесъ голубого сіянья;
Ихъ сумракъ рождаетъ тревожныя мысли.

И въ ужасѣ смерти здѣсь духъ человѣка слабѣетъ;
Уходитъ надежда, молитва въ устахъ цѣпенѣетъ,
Въ груди замираютъ рыданья . . .

А сумракъ все гуще. Тѣснѣе сомкнулись гробницы.
И хочется крика хотя бы испуганной птицы
Среди гробового молчанья.

II.

Я знаю кладбище. Отраднымъ миромъ вѣетъ
Отъ пышныхъ купъ его березъ и тополей.
Среди полей
Оно, какъ острововъ, зеленѣетъ.

*

Семья могилъ, крестовъ и памятниковъ бѣлыхъ.
Имъ сказки шепчетъ изумрудная листва.
Межъ нихъ — трава,
Кругомъ — моря колосьевъ спѣлыхъ.

*

А надъ вершинами березокъ бѣлоствольныхъ
Плывутъ въ лазури стаи тучекъ вольныхъ, —
Уходятъ въ даль . . .

*

Родное кладбище! Здѣсь смерти ликъ прекрасенъ.
Законъ природы мудрой простъ и ясенъ;
Къ чему печаль! . .

Всеволодъ Чешихинъ.

Герой.

Подъ градомъ пуль его лежала рота
На пажитяхъ враждующей страны . . .
Стрѣляли лежа нижніе чины
И лежа имъ приказывали что-то
Ихъ офицеры . . . Онъ стоялъ одинъ
До самой смерти, словно властелинъ . . .

Настанетъ судъ. Пробуждены трубою,
Застонутъ тѣни, души роты всей.
Со всѣми вмѣстѣ, всѣхъ бойцовъ скромнѣй,
Онъ ляжетъ въ прахъ предъ грознымъ Судіею . . .
Но знакъ подастъ вселенной Властелинъ,
Чтобъ на ногахъ остался онъ одинъ!

Евг. Шаранцевъ.

Nocturne.

Душно . . . Ушелъ истомившійся день
Въ смутную даль безвозвратно былого . . .
Ласковой ночи надвинулась тѣнь,
Шепчетъ землѣ свое тихое слово:

Спи, успокойся! Прекрасные сны
Нѣжно навѣю крыломъ я волшебнымъ,
Мягкимъ сіяньемъ упавшей звѣзды
Душу наполню, святымъ и цѣлебнымъ . . .

Душно . . . Далеко надъ краемъ села
Трепетно вспыхнуло пламя зарницы,
Словно послѣдніе взмахи крыла
Бѣдной, безцѣльно подстрѣленной птицы . . .

БИБЛІОТЕКА Государ. Историч. Музея
№ 15240
22 VIII 1932

Николай Муханов.

Садъ принцессы Ангамитры.

Индійская легенда.

Роза — супруга бога Вишну.
Индійскій миѳъ.

Брама покоится, погруженный въ небесныя размышленія о лотосѣ,
Цвѣтокъ котораго возникъ, когда онъ до него дотронулся
И излилъ на него свои золотые лучи.
Книга Ведъ.

Имѣющій два хлѣба, да продаетъ изъ нихъ одинъ, чтобы купить для себя нарциссъ; хлѣбъ — пища тѣла, нарциссъ — пища души.
Магометъ.

Давно-давно, когда и солнце было ярче, и небо голубѣе, и вѣтерокъ благоуханнѣй, въ странѣ Семи Рѣкъ, священной Индіи, жила принцесса Ангамитра.

Она была стройнѣе лиліи, прекраснѣе розы и стыдливѣе лотоса.

Изъ всего многомилліоннаго народа, подвластнаго ея отцу, не было ни одного человѣка, который не засыпалъ бы съ мечтой о принцессѣ и не просыпался бы съ ея именемъ на устахъ.

Если-бы вы прислушались къ дуновенію бога Вайю, вы въ его вздохахъ разобрали-би имя: „Ангамитра.“ Широкія, какъ крылья птицы, вѣтви пальмъ, утомленныя за день лучами солнца, отдаваясь ночью чарамъ луны, нѣжно шептали одно только слово: „Ангамитра“. Бѣлоснѣжные лотосы, выглянувъ съ заходомъ солнца на зеркальную поверхность бассейновъ, кидали другъ другу журчащее: „Ангамитра“. „Ангамитра“ — несли ручьи къ далекому морю. „Ангамитра“ — шелестѣли тростники. „Ангамитра“ — стрекотали цикады въ изумрудной травѣ.

Жители многомилліоннаго города Ангапуры мечтали о любви Ангамитры, какъ о вѣчной нирванѣ.

Но безстрастно, какъ цвѣтокъ мирты, было сердце принцессы и холоднѣй камеліи были ея уста. Стараго, мудраго раджу Локки, ея отца, давно привыкшаго ничему не удивляться и того временами удивляла холодность принцессы, которая переживала уже четырнадцатую весну.

— Это продѣлки злобнаго бога Ганеши, — шепталъ онъ, качая вѣнчанной главой, — это онъ дохнулъ холодомъ могилы въ ея юное сердце.

Сколько ни появлялось во дворцѣ Локки молодыхъ красавцевъ-принцевъ со взорами, подобными солнечнымъ лучамъ, въ одеждахъ, отягченныхъ драгоцѣнными каменьями прибывшихъ изъ дальнихъ странъ на раззолоченныхъ слонахъ, съ безцѣнными подарками — глаза Ангамитры ни разу не засвѣтились любопытствомъ, — они были холодны и спокойны, какъ поверхность пруда.

И никто не зналъ, чѣмъ угодить прекрасной принцессѣ.

Когда кончался обычный ежедневный пріемъ во дворцѣ и прекрасные, какъ нарциссы, раджи и принцы уходили, унося въ своихъ сердцахъ тяжесть нераздѣленной любви — быстрѣе птички выпархивала Ангамитра въ дворцовый садъ и садъ оглашался музыкой ея пѣсенъ.

И никто изъ влюбленныхъ принцевъ не догадывался, что возлюбленный принцессы Ангамитры находится такъ близко и что только отъ его дыханія розовѣли ея уста, загорались холодные глаза и покрывались румянцемъ ланиты. Въ свой царственно-цвѣтущій садъ была влюблена Ангамитра.

Трудно сказать, чего больше было въ саду принцессы: деревьевъ магнолій или бѣло-мраморныхъ колоннъ; зеленыхъ вѣтвистыхъ навѣсовъ или золотоголовыхъ пагодъ; изумрудныхъ лужаекъ или ступеней изъ розоваго мрамора; золотыхъ лучей солнца или серебряныхъ нитей фонтановъ; свѣта или цвѣтовъ.

Кусты бенгальскихъ розъ и кетмійскихъ растеній, лужайки гвоздики и цвѣлыя озера мака, купы піоновъ и шатры огненныхъ хризантемъ, отливая всѣми оттѣнками крови, соперничали другъ съ другомъ яркостью нарядовъ.

Гордые красавцы-нарциссы, сребролики лиліи, бѣлоснѣжные ландыши, жасмины и гарденіи, восковидныя камеліи, сливаясь, походили-бы на только что выпавшій снѣгъ, если бы не были причудливо испещрены голубыми фіалками, розовыми барвинками, нѣжными гіацинтами, пышными тюльпанами, величественными туберозами, лохматыми хризантемами всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Голубыя воды бассейновъ были бы слишкомъ однообразны, если бы ихъ не окаймляли гирлянды изъ бѣлыхъ и красныхъ лотосовъ, желтосолнечныхъ кувшинокъ и радужныхъ ненюфаровъ. Но лучшимъ цвѣткомъ въ саду принцессы была все же сама Ангамитра.

Пока не скатится съ бирюзоваго поля утомленное солнце, пока голубая луна не наброситъ на все свой прозрачный покровъ, — до тѣхъ поръ звучитъ въ царствѣ цвѣтовъ колокольчатый голосъ принцессы.

— Здравствуй, царица моя, здравствуй вѣнчанная роза, вѣчно юная супруга свѣтлаго бога Вишну. Гдѣ теперь твой повелитель? Я вижу: страстныя ласки его поцѣлуевъ еще го-

рятъ на ланитахъ твоихъ ярко-стыдливымъ румянцемъ. А! Это ты, мой гордый нарциссъ! Посмотри-же на влюбленную въ тебя лилію. Неужели страданія бѣдняжки до сихъ поръ не тронули твоего холоднаго сердца? Видишь, какъ несчастная никнетъ своей золотистой головкой... А, понимаю! Ты случайно увидалъ свое отраженіе въ капелькахъ росы и съ тѣхъ поръ ничего не замѣчаешь? Ты влюбленъ въ самого себя? Стыдись, нарциссъ! И ландышъ здѣсь... Здравствуй, ландышъ! Киваешь головкой? Мнѣ или своей возлюбленной — фіалкѣ? Конечно, ей . . . А я вотъ возьму и растопчу васъ обоихъ. А, испугались? Не бойтесь — цвѣтите, любите, милуйтесь, — только смотрите, чтобы нарциссъ не лопнулъ отъ зависти. Лотосъ! Бѣлоснѣжный лотосъ! Солнце скатилось къ далекимъ полямъ — покажи мнѣ свое грустное лицо, — принцесса Ангамитра хочетъ видѣть, все такъ ли ты прекрасенъ . . . Цвѣты мои — мечты мои... Какъ и всегда таинственно молчите вы . . . Повѣдайте принцессѣ тайну вашего рожденія. Разскажите ей ваши радости и горе. Кто вы? Что вы? Откуда вы явились въ моемъ саду? Не знаю, не знаю и никто не хочетъ мнѣ разсказать . . .

Какъ и во всякой страсти, въ страсти принцессы Ангамитры было больше страданій, чѣмъ наслажденія.

Ночь прилетѣла на серебряныхъ крыльяхъ луны. Заснули въ бассейнахъ столѣтніе крокодилы. Широко раскрыли цвѣты свои вѣнчики и жадными устами ловятъ ночную росу.

Тихо склонившись на мраморъ холодный, грустно вздыхаетъ, руки ломаетъ принцесса:

— Кто-же мнѣ скажетъ? Кто мнѣ отвѣтитъ, есть-ли душа у цвѣтовъ? Агни безсмертный, ты, мудрый изъ мудрыхъ! Создалъ ты землю, цвѣты и деревья. Вложилъ ты желанье въ послѣднюю мошку. Безъ цѣли никто на землѣ не живетъ . . . Кто мнѣ повѣдаетъ тайну священную, кто объяснитъ мнѣ рожденье цвѣтовъ? Цвѣты мои — мои страданья! Каждый изъ васъ живетъ жизнью отдѣльною, каждый по своему счастье находитъ. Солнце скатилось — роза закрыла свои лепестки. Вѣрная солнцу мимоза стыдливо прячетъ лицо отъ луны. Лотосъ, божественный лотосъ, какъ лебедь полночный, вынырнулъ весь на поверхность бассейна. Свѣтъ для него — голубая равнина, счастье онъ видитъ въ улыбкахъ луны. Кто мнѣ разскажетъ о вашихъ страданьяхъ? Радости ваши мнѣ кто передастъ? . . .

Безсильно склонилась средь сада принцесса, въ тайну цвѣтовъ она жаждетъ проникнуть.

— — — — — — — — — — — — — — —

Много ночей возлѣ царскаго сада бродитъ одѣтый въ шафранную тогу юный ученый-поэтъ Пурогита. Слышитъ онъ скорбные вздохи принцессы. Онъ къ Ангамитрѣ пылаетъ любовью, дерзкіе помыслы въ сердцѣ таитъ. Знаетъ давно онъ о тайнѣ принцессы.

Вотъ Пурогита безшумно скользитъ по ліанамъ, опутавшимъ стѣны высокаго сада . . Вотъ онъ стоитъ, наклонясь надъ принцессой . . .

— Выслушай дерзкаго смертнаго, о Ангамитра! Много загадочныхъ тайнъ мнѣ открыла природа. Знаю и тайну цвѣтовъ я, принцесса... Только зачѣмъ мнѣ знать тайны природы, если не въ силахъ я справиться съ тайной влюбленнаго сердца? . . . Если ни днемъ я, ни ночью не знаю ни сна, ни покоя? Страшно и сладко мечтать мнѣ о сердцѣ твоемъ, Ангамитра.

Нѣтъ тѣхъ страданій, которыхъ не вынесъ бы я, чтобъ доставить тебѣ наслажденье. Что-же, зови скорѣй стражу, принцесса! Пусть она дерзкаго кровью зальетъ голубую поляну. Завтра, принцесса, такіе цвѣты ты увидишь средь травъ изумрудныхъ, какихъ не видалъ ни одинъ изъ правителей свѣта.

Нравится дерзкая рѣчь Ангамитрѣ. Солнца ушедшаго блескъ ей напомнили очи поэта.

— Что-жъ, незнакомецъ, скажи мнѣ о тайнѣ цвѣтовъ молчаливыхъ. Чистыя души открой ихъ скорѣй передъ мною! Ты говоришь, что природа открыла тебѣ свои жуткія тайны.

За руку молча принцессу беретъ ученый-поэтъ Пурогита, молча отводитъ ее подъ навѣсъ величавой дагобы. Тихо онъ шепчетъ ей на ухо вѣщее слово:

— О, не пугайся, дочь свѣтлаго Агни, царица моя Ангамитра. Мысленнымъ взглядомъ къ прошедшимъ вѣкамъ мы теперь обратимся. Видишь дискъ свѣтлый луны? Вотъ онъ ближе и ближе . . . Онъ уже блескомъ своимъ споритъ со взглядомъ твоимъ, Ангамитра . . . — — — — — — — — — — — — — — —

Ярко сіяетъ вѣчный факелъ солнца — оплодотворителя. Колоссальныя зданія причудливой архитектуры теряются въ безконечной дали. Розовый мраморъ ослѣпляетъ глаза. Широкія улицы кипятъ многомилліонными толпами народа. Въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ яркія группы женщинъ въ длинныхъ разноцвѣтныхъ покрывалахъ. По дорогамъ двигаются безконечные караваны верблюдовъ, воловъ, полосатыхъ зебръ и зебу съ вызолоченными рогами. Тысячи всадниковъ, —

вооруженныхъ отъ головы до пятъ, переливаются по улицамъ, какъ волнующееся серебряное море. Огромные слоны, съ вызолоченными клыками и ярко раскрашенными хоботами несутъ на своихъ мощныхъ спинахъ цѣлыя сооруженія изъ яркаго шелка и золота. Гигантскія опахала вѣютъ надъ ними, какъ крылья сказочныхъ птицъ. За гомономъ и звономъ оружія не слыхать собственнаго голоса. Совершенно нагіе факиры съ шумными бубнами въ рукахъ стремительно вертятся въ толпѣ, возносяя гимны грозному богу Индрѣ...

Солнце клонитъ къ закату и туда устремлены взоры толпы.

Огромный красный дискъ готовится уже погрузиться за горизонтъ, когда на его фонѣ вырисовывается зловѣщее темное пятно. Пятно растетъ и ширится. Вотъ оно затмеваетъ вечернее свѣтило, вотъ оно заполняетъ весь горизонтъ . . . Шумъ милліонной толпы усиливается, грознѣе мелькаетъ свѣтлое оружіе въ красныхъ лучахъ заката. Розовый мраморъ строеній пріобрѣтаетъ оттѣнокъ крови. Быстро несется на городъ похожее на тучу пятно. Уже виденъ блескъ сверкающихъ копій, уже стрѣлы, какъ милліоны саранчи, падаютъ въ шумную толпу. Загорается страшный, безумный бой. Все смѣшалось въ какомъ-то адскомъ хаосѣ. Гнутся, какъ стебли и рушатся гордыя мраморныя колонны. Огромные слоны осѣдаютъ подъ тяжестью золотой ноши и остаются лежать неподвижно. Звонъ оружія заглушаетъ все. Неисчислимыя силы врага врѣзались въ самую гущу толпы. Улицы города похожи на одинъ кипящій, бьющій пѣной, гигантскій котелъ.

Красный цвѣтъ поглощаетъ мало по малу всѣ другіе цвѣта. Вопли женщинъ и дѣтей иногда звучной волной врываются въ эту дикую какофонію . . .

— Смотри, Ангамитра, — шепчетъ ученый-поэтъ Пурогита принцессѣ, – тамъ, гдѣ рѣкой льется кровь безоружныхъ, — тамъ вырастаютъ кусты пурпурныхъ розъ и озера ярко-красной гвоздики. Кровь защитниковъ сейчасъ-же родитъ ярко-розовый лотосъ. Тамъ, гдѣ пали враги — расцвѣтаютъ въ мгновенье піоны. Тамъ, гдѣ скатилась голова отъ меча — вырастаютъ пунцовые маки. Ландышъ родится изъ растоптанныхъ дѣтскихъ сердецъ. Слезы ручьями текутъ изъ прекрасныхъ глазъ дѣвъ непорочныхъ, тамъ гдѣ упали онѣ — выростаютъ лиліи, мирты, фіалки. Видишь поля хризантемъ? — Это растоптанный мозгъ побѣжденныхъ . . .

Въ страхѣ прижалась къ жрецу Ангамитра. Падаютъ слезы на мраморъ дагобы. Трепетъ бѣднаго сердца ея ощущаетъ такъ близко ученый . . .

— Кончился бой, Ангамитра . . . Видишь, какъ грустно сіяетъ луна? Слышишь, какъ скорбно вздыхаетъ волшебный твой садъ, о принцесса? Души погибшихъ въ бою надъ твоими витаютъ цвѣтами. Страшный тотъ бой люди давно позабыли — давно это было, — только цвѣты лунной ночью напомнятъ о немъ намъ, царица моя Ангамитра . . .

— — — — — — — — — — — — — —

Легенда гласитъ, что за двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры въ священной странѣ Семи Рѣкъ не было четы счастливѣе прекрасной принцессы Ангамитры и ея супруга, мудраго ученаго-поэта Пурогиты . . .

В. Ласкинъ.

Мой домъ.

Дожди низринулись, какъ лава,
На наши бѣдные пески;
Въ такіе дни не знаешь, право,
Куда дѣваться отъ тоски.

Въ какой-то тягостной истомѣ
Застынешь въ креслѣ у окна,
И воцарится въ цѣломъ домѣ,
Какъ въ старой церкви, тишина.

Мой тихій домъ! Съ судьбою споря,
Въ твоихъ стѣнахъ я перенесъ
Года борьбы, трудовъ и горя,
Незримыхъ жертвъ и скрытыхъ слезъ.

Они прошли, какъ все проходитъ,
Ихъ горе стало — тѣнь и прахъ,
Но тѣнь его живетъ и бродитъ
Въ твоихъ обвѣтренныхъ стѣнахъ.

Гляжу, какъ осень даль туманитъ,
Бьетъ въ стекла вѣтромъ и дождемъ,
И въ то, что солнце снова встанетъ,
Мнѣ, право, вѣрится съ трудомъ.

Не оттого-ль такъ радъ я веснамъ
И такъ люблю въ погожій день
Уйти въ лѣса къ посматымъ соснамъ
Подъ ихъ привѣтливую тѣнь.

Иль въ свѣтло-синій полдень лѣта,
Когда подъ ласкою лучей
Былинка каждая согрѣта, —
Мечтать въ безмолвіи полей.

Но вотъ сегодня ливнемъ мутнымъ
Ненастье пало на пески,
И мнѣ подъ кровомъ неуютнымъ
Не превозмочь нѣмой тоски.

Мой старый домъ! Умолкли страсти,
Какъ ты, и я душою старъ,
И не уйти мнѣ изъ-подъ власти
Твоихъ волшебныхъ, тайныхъ чаръ.

Е. Магнусгофская.

У могилы героя.

Въ непривѣтной и чуждой нѣмецкой странѣ
Ты сраженъ средь кроваваго боя.
Подъ холодной землею, въ сырой глубинѣ
Упокоилось тѣло героя.
Крестъ простой сколотили подъ старой сосной
Надъ могилой почившаго брата,
И остался одинъ ты въ чужбинѣ лѣсной,
Павшій храброю смертью солдата.
А на родинѣ въ жаркой молитвѣ жена
Со слезами тоскуетъ о другѣ . . .
Безконечны вы, зимнія ночи безъ сна
Съ воемъ вѣтра и пѣснями вьюги.
О, не плачь! Его жребій великъ и красивъ:
На алтарь оскорбленной Отчизны
Онъ принесъ благородный и чистый порывъ,
Отдалъ силы разсвѣтныя жизни.
О, не плачь! Не тревожь его чистый покой,
Не гони его сны золотые . . .
Возвратится весна; благодатной рукой
Разбросаетъ цвѣты молодые,
И тѣ слезы, что ночью тобой пролиты,
Далеко отъ могилки родного, —
Соберетъ эти слезы весна на цвѣты,
Словно жемчуга нить дорогого . . .
И въ тѣ ночи, какъ сходится съ зорькой заря,
Подъ таинственной сѣнью лѣсистой
Запоетъ, о безсмертной любви говоря,
Свѣтлый гимнъ соловей голосистый.
Онъ споетъ: „Воротилась былая весна
И съ весенними солнца лучами
Прекратились на вѣки вражда и война,
И мечи помирились съ мечами."
Онъ споетъ: „ Царство смерти надолго прошло,
Все, что жадная тьма такъ скрываетъ,
Надъ могильнымъ холмомъ свѣтлымъ стеблемъ взошло
И безсмертья цвѣткомъ зацвѣтаетъ."
И безсмертье, и слава въ объятьяхъ любви
Надъ могилой безвѣстно-нѣмою . . .
Слава жертвенной чистой, невинной крови!
Слава павшему въ битвѣ герою!

Николай Глаголевъ.

Послѣдній бокалъ.

Вы ее знаете?

О, конечно, вы ее видали!

Если не въ оригиналѣ, то въ репродукціи.

Недавно рожденная, всего какихъ нибудь девять лѣтъ тому назадъ, она быстро стала популярной: дитя своего вѣка.

Я говорю о картинѣ Келлера „Финалъ".

Помню суетный полдень въ гордой столицѣ Центральной Европы. Я быстро и съ наслажденіемъ удаляюсь въ заманчиво-тихую глубину картинной галлереи: тамъ дышитъ прошлое ровнымъ, спокойнымъ, благоуханнымъ дыханіемъ вѣчно живого искусства.

Вотъ древній Востокъ, развратный и мудрый, припекающій свое сластолюбивое тѣло подъ знойными лучами родного и близкаго солнца. Вотъ древняя Эллада, гармоничная, стройная, дѣятельная, играющая мускулами и умомъ. Вотъ грубый Римъ, жестокій собственникъ европейской мысли и восточной чувственности.

Вотъ средніе вѣка, чего-то ищущіе, медленно и неувѣренно идущіе, какъ лунатичка, зачарованная холоднымъ и яркимъ свѣтомъ Виѳлеемскаго Свѣтила. Вотъ бурный Ренессансъ — этотъ расшалившійся пажъ дворцовой Европы среднихъ вѣковъ. И вотъ . . . я невольно останавливаюсь передъ „ней". Мнѣ кажется, что одухотворенныя, трепетныя тѣни прошлаго вдругъ разсѣяны ревнивой, дерзкой рукой настоящаго дня.

Да, это онъ смотритъ на васъ изъ глазъ этой золотокудрой красавицы, опьяненной виномъ, музыкой и танцами бала. Полулежа въ салонномъ креслѣ, теряя съ роскошныхъ плечъ легко накинутое бальное платье, излучая теплоту и желанье своего янтарно-розоваго тѣла, она, кажется, сулитъ вамъ безконечно много того счастья, о которомъ кричитъ этотъ милліонный городъ, за которымъ бѣжитъ и тянется эта гудящая толпа и къ которому она жадно прильнетъ, какъ только закатится солнце и вспыхнутъ міріады электрическихъ свѣтилъ. Здѣсь недалеко, въ „залахъ амура", „цвѣтовъ", „дворцахъ танцевъ" вы навѣрное встрѣтите ее. Она пройдетъ среди васъ вызывающе-гордая, прямая, ни предъ кѣмъ не склоняющаяся: Ея Величество Матерія, знающая только одного бога — силу и одного идола — золотого тельца . . .

И хотя талантливыя вычувствованныя краски кричатъ, зовутъ, влекутъ къ этой прелестницѣ, нашептываютъ вамъ тысячу заманчивыхъ обѣщаній, — ваше опьяненіе продолжается недолго. Вы не вѣрите ни ей, ни тѣмъ, кто въ туманномъ фонѣ картины уносится съ такими же, какъ она, подъ опьяняющіе звуки канкана и вакхическихъ пѣсенъ: вы видите ея спутника. Надъ недопитымъ бокаломъ, въ изящно сшитомъ фракѣ, ослѣпительномъ бѣльѣ сидитъ живой трупъ. Высокій лобъ, изысканныя, благородныя черты лица, посадка головы, — все говоритъ, всѣ

разсказываетъ о душѣ яркой, многообъемлющей и городой сознаніемъ своего совершенства. Но въ полуопущенныхъ глазахъ, въ тонкой сѣткѣ морщинъ, изборождившихъ дряблую, желтую, мертвую, какъ воскъ, кожу чувствуется убійственный холодъ смерти . . . А вотъ за его спиной и она сама, оскаливъ костяное лицо свое, кокетливо принарядившись въ красный воротникъ Pierrot, льетъ вино въ протянутый женщиной бокалъ. Коварный обманъ! Отравленное вино! Жуткая игра двуликой смерти: эта выхоленная, умащенная, раздушенная женщина — ея второе лицо.

. . . Итакъ — Финалъ! Длинный рядъ счастливыхъ дней и ночей долженъ былъ закончиться этимъ послѣднимъ бокаломъ. Но и предпослѣдній и длинный рядъ предшествующихъ несли въ себѣ смерть. Однако, огромныя толпы пирующихъ этого не замѣтили и не замѣчаютъ. Одинъ только художникъ вырвался изъ омута, побѣжалъ въ свою мастерскую и въ жаркихъ пламенныхъ краскахъ разсказалъ намъ о томъ.

А другой — въ музыкѣ.

А третій — въ пропитанномъ горечью словѣ.

* * *

Нѣтъ сомнѣнія, искусство — волшебное зеркало жизни. Оно отражаетъ невидимые лучи еще незамѣтной для насъ дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ оно — надежный ключъ къ знанію, необходимый ученымъ, полководцамъ, государственнымъ людямъ и, наконецъ, каждому любознательному. Это не случайность, что великіе историческіе дѣятели, руководившіе судьбами народовъ, вліявшіе на ихъ бытъ и подсказывавшіе имъ національныя и государственныя стремленія, были близки искусству, понимали его, любили и покровительствовали ему. Древніе Птоломеи, Юлій Цезарь, Гракхи, Наполеонъ, часто черпали въ немъ откровеніе, вдохновлялись имъ, порой и лично ему служили. Еще вопросъ, чѣмъ цѣннѣе былъ для Александра Македонскаго Аристотель, своими знаніями естествовѣда или всеобъемлющимъ анализомъ перваго критика и теоретика искусствъ.

Если бы наша самовлюбленная старушка Европа повнимательнѣе заглянула въ это зеркало искусства, погадала бы на немъ, она давно бы уже получила отвѣтъ: „Ты красива, спору нѣтъ, но . . .“

Это „но“, давно уже ощущаемое въ искусствѣ, съ каждымъ годомъ становилось все категоричнѣе и грознѣе въ своемъ отрицаніи нашего общественнаго и душевнаго благополучія.

Въ Германіи смѣнялись канцлеры, не удовлетворявшіе жаждущихъ власти и золота преторіанцевъ кайзера, крѣпла и наростала соціалъ-демократія, готовая въ любую минуту одѣть остроконечную прусскую каску, а въ случаѣ нужды и защитное платье полицейскаго сыщика, строились гостиницы, вокзалы, умопомрачительныхъ размѣровъ и роскоши, дворцы наукъ и танцевъ, воскресившихъ времена языческихъ культуръ и вавилонскихъ храмовъ, пушки, напоминающія сказочныхъ огнедышащихъ драконовъ тартара.

Во Франціи шла кутерьма политическихъ интригъ и козней. Строилъ свои загадочныя гримасы Клемансо, побрякивалъ монетами Рувье, морщилъ блѣдное чело и грезилъ о диктаторской власти Бріанъ, устраивалъ кинематографическіе сеансы Кайо, кипятился Дельнассе, и всѣ вмѣстѣ клялись, что все это дѣлается во славу, величіе и процвѣтаніе „Великой Франціи — носительницы прогресса и всечеловѣческихъ идеаловъ“.

Въ Англіи медленно вывѣтривались гранитныя породы консервативно-государственнаго строя и обнажавшіяся расщелины быстро замазывались либерально-демократической известкой, въ которую попадалъ острый щебень ирландскаго вопроса. Еще не износились историческіе башмаки гордыхъ спикеровъ палатъ, а уже чувствовалась способность измѣнить славному прошлому ради какого-то желаннаго, но незнакомаго еще будущаго.

А у насъ, въ Россіи — растерянное лицо интеллигенціи, съ грустными глазами и смѣющимся ртомъ, высмѣивающей то, чему вчера еще поклонялась, разговаривающей на десяткѣ чуждыхъ другъ другу языковъ и, наконецъ, попрятавшейся съ перепугу за опущенныя сторы игорныхъ клубовъ и въ табачный дымъ веселыхъ кабачковъ . . .

. . . А между тѣмъ искусство тяжко вздыхало. Поблѣднѣвшими губами оно шептало про „Финалъ“.

* * *

И вотъ пробилъ рѣшительный часъ. Послѣдній бокалъ поднесенъ къ устамъ перепуганной, изумленной Европы. Нужно допить и начать новое бытіе. Разстаться съ обветшалой и бренной оболочкой, которая стала замѣсто души, и свершить страшное путешествіе въ какой-то новый историческій міръ. Какъ продолжительна будетъ агонія и что за жизнь грядетъ ей на смѣну?

Нами забыты тайны индійскихъ факировъ, дарующія вѣчность черезъ летаргическій сонъ. И,

наконецъ, намъ спать нельзя: намъ нужно жить умирать во славу исторіи и для ея движенія. Но намъ извѣстна другая тайна вѣчной жизни — духовная преемственность поколѣній. Изъ столкновенія двухъ половинъ нашего состарившагося Европейскаго міра должна родиться новая истина, которая создастъ счастье и миръ нашему потомству.

Не пожалѣемъ же себя для этой великой задачи: безславно жившіе имѣютъ право со славой погибнуть.

Рига, 10 января 1915 г.

Николай Мухановъ.

Ночная атака.

Коваренъ врагъ, слѣдитъ онъ сотней глазъ
Въ туманной мглѣ за каждымъ нашимъ шагомъ;
Вотъ и теперь невдалекѣ отъ насъ
Онъ окопался за оврагомъ.

Минутами, — когда мы, чуть дыша,
Не спимъ-слѣдимъ и сторожко и чутко, –
Доносится, какъ шелестъ камыша
Къ намъ непріятельская шутка.

Невольный вздохъ, небрежный звонъ штыка,
Случайное придушенное слово, —
Какъ слабый пульсъ уловимъ мы слегка —
И ночь молчитъ зловѣще снова . . .

Съ утра шелъ бой. Мы — имъ, они — въ отвѣтъ
Бросали, знай, шипящія шрапнели.
Орудій громъ ревѣлъ на цѣлый свѣтъ
И пули звонкимъ роемъ пѣли.

Снопами искръ плевался Сатана,
Осеннее заплевывая небо . . .
Обилье стали, мѣди, чугуна
И цѣлый день ни крошки хлѣба!

Врагъ отступилъ, хитря, какъ ловкій воръ, —
Пѣшь груды тѣлъ остались намъ въ подарокъ.
Стемнѣло. Стихъ гремящій разговоръ . . .
Морозило . . . А день былъ жарокъ!

Не время спать — безшумно маршъ впередъ!
Идемъ — полземъ . . . Вотъ запахъ гари слышимъ . . .
Тсс . . . Стопъ! . . . Копай . . . Лопата чуть беретъ —
Копаемъ, — сами еле дышимъ.

Проходитъ часъ и снова мы въ норѣ.
Немного сыро, холодно и тѣсно, —
Что за бѣда? Быть можетъ, на зарѣ
Пойдемъ мы дальше — неизвѣстно . . .

Вздремнулъ на часъ, прижавъ ружье къ груди,
Не чувствуя усталости и стужи,
Безъ сновъ, безъ грезъ . . . Чу! . . . Шорохъ впереди
И шопотъ часовыхъ снаружи . . .

Сознанье чутко ловитъ голоса —
Оно не спитъ, оно сильнѣе тѣла:
„Атака? . . .“ Да . . . „Когда?“ — Чрезъ полчаса . . .
„Не ждутъ . . . врасплохъ“ . . . Ну, будетъ дѣло! . . .

Идемъ - полземъ . . . Не звякнетъ штыкъ о штыкъ . . .
Біенье сердца слышно у сосѣда . . .
„Ура!“ — гремитъ во тьмѣ могучій крикъ.
Не ждали насъ — близка побѣда! . . .

Вотъ ухнуло, какъ въ бочку за спиной
И на небѣ — горящая прорѣха . . .
Еще, еще! . . . „Товарищи за мной!
Впередъ, въ штыки! . . .“ Пошла потѣха!

Райнисъ.

Зеленое вино.

Ты утомился, замолчалъ,
Пустъ твой бокалъ.
Въ немъ искрилось зеленое вино,
Теперь же сухо даже дно.

„— Нѣтъ, не совсѣмъ осушено; —
„Нѣтъ, что то тамъ еще лежитъ,
„На днѣ забытое блеститъ —
„Какъ капля крови, сердце въ немъ
„Горитъ огнемъ.“

Съ лат. пер. В. Дамберга.

Евг. Шаранцевъ.

Осень.

Въ роще березовой золотъ блѣдномъ
Высятся стройныя темныя ели,
Вѣчно зеленыя, съ видомъ побѣднымъ
Ждутъ, чтобы листья скорѣй облетѣли . . .

Ждутъ... И роняютъ тихонько березы
Блѣдные листья надъ хвоей бездушной —
Ласки, чужому желанью послушной,
Ласки послѣдней ненужныя слезы . . .

Ф. И. Липовъ.

Жертва мельника Парѳена.

Упорно, съ какимъ-то далекимъ разсчетомъ, копилъ деньгу мельникъ Парѳенъ. По всей округѣ считали его человѣкомъ съ капиталомъ. Да и было за что считать: жилъ онъ разсчетливо, даже скупо съ одной только старухой работницей въ конурѣ при мельницѣ. Жена умерла,

дѣтей всѣхъ разогналъ, благо, что сыновья были, а теперь они всѣ устроились по городамъ и думать забыли про родную мельницу. Парѳенъ самъ себя не считалъ ни скупцомъ, ни завистникомъ, а просто человѣкомъ аккуратнымъ и разсчетливымъ. Завидуютъ всѣ его мельницѣ, а не знаютъ того, сколько терпѣнія и ума вложилъ онъ въ постройку и сколько ему обошлась три года тому назадъ новая плотина . . .

Смотри, у сосѣда мельника, тамъ повыше — малость сильный дождь, сильный напоръ, ну — и лопнула плотина и всѣ плотины прорвало по рѣкѣ, а ему и горя нѣтъ, ему что! Только меливо везутъ.

Мужички знали аккуратность Парѳена и смѣло ѣхали къ нему на мельницу. У него всегда и вода въ запасѣ, и порядокъ. А главное, что человѣкъ аккуратный, не то, что сосѣдніе мельники. Онъ, Боже упаси, и не обсчитаетъ и не обвѣситъ.

А если и мелетъ, то мелетъ на совѣсть: желаешь крупно — изволь, хочешь помельче — уважитъ.

Деньги Парѳенъ даже недолюбливалъ. Чего въ нихъ толку, только счетъ вести, да беречь, — одно безпокойство. Своего онъ достигъ, чего такъ желалъ: это у помѣщика Устругова, Николая Петровича, онъ откупилъ земельку, что черезъ рѣчку, сейчасъ за плотиной . . . Обошлось ему это дѣло въ копеечку — это да, но зато достигъ своего и былъ доволенъ. Почитай съ годъ считалъ себя за счастливца, но потомъ опять наскучало. Опять и денежки собрались и надо было и ихъ пристроить къ какому либо дѣлу.

Сколько разъ, во время провѣрки своихъ капиталовъ, у Парѳена черезъ голову проходила живая мысль: „Эхъ, кабы деньгу-то да на образованіе пустить!“ Но эта мысль къ концу счета денегъ такъ и проходила, какъ вошла.

Послѣднюю весну онъ боялся, что его плотину прорветъ полая вода — и онъ даже отложилъ свои денежки и порѣшилъ ихъ свезти въ волость, пожертвовать на доброе дѣло, если выдержитъ его плотина, — но половодье прошло, плотину не прорвало и денежки онъ прибралъ на старое мѣсто. Ему не то, что стало жаль денегъ, а какъ то думалось, что случай еще придетъ и онъ истратитъ ихъ съ большей пользой . . . Онъ даже подумывалъ не пожертвовать-ли и устругевскій участокъ подъ школу? Ничего, что школа будетъ за селомъ, бѣды мало, если ребята пробѣгутся лишнюю версту отъ дома, — зато они будутъ отъ кабака подальше. Но опять обдуманное дѣло еще разъ передумывалось и Парѳенъ снова ждалъ случая. Ему вѣдь не надо всего, что у него есть. Себя еще чувствовалъ въ силѣ и имѣлъ увѣренность снова заработать. Онъ работалъ на совѣсть, съ обдумочкой.

Черезъ плотину Парѳена изъ его села шла дорога въ городъ. Онъ всегда зналъ — кто, когда и зачѣмъ туда ѣздилъ и всегда должниковъ за помолъ перехватывалъ на плотинѣ и свое взыскивалъ. Очень и очень рѣдко, возвращаясь домой въ село черезъ Парѳенову мельницу можно было проскочить, не повидавъ его и не сообщивъ городскіе слухи и новости, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

Газетъ онъ не читалъ, такъ какъ считалъ, что онѣ врутъ, а вотъ, если что степенный человѣкъ разсказнвалъ, — то это совсѣмъ другое дѣло. Понятно, и тутъ онъ не всякому слуху давалъ значеніе, но все же, живому слову довѣрялъ.

Случившаяся война его расшевелила. Онъ днями сидѣлъ на своей плотинѣ и все справлялся о нашихъ успѣхахъ. Даже газеты сталъ почитывать, хотя это занятіе у него шло весьма и весьма медленно. Затѣмъ появившіеся сборы на раненыхъ и на ихъ семьи оживили Парѳена. Эта открывшаяся нужда народная развязала его мошну и онъ уже успѣлъ сносить въ село къ батюшкѣ о. Павлу добрую половину изъ своихъ сбереженій. Куда ему? Ему Богъ даетъ здоровье, а гроши и помятыя кредитки ему лишь безпокойство!

А вотъ повезли изъ города черезъ плотину и выздоравливающихъ и слабосильныхъ . . . Вчера въ село провезли мимо мельницы Степана Круглякова. Австріяки какой то жидкостью глаза и грудь попортили. Одинъ глазъ, говорятъ, совсѣмъ вытекъ, тоже и ноги были поранены . . . Словомъ — не работникъ, а горе и обуза семьи . . . а земли-то на все семейство — двѣ полоски, да хатенка!

Далеко за полночь думалъ и передумывалъ свои мысли мельникъ Парѳенъ. Утромъ всталъ и долго осматривалъ свое хозяйство, все будто чего то искалъ. Весь день былъ неспокойный.

„Дядя Парѳенъ, ты вечеркомъ въ волость на сходъ заходи. Старшина самъ приказывалъ“, торопливо сообщилъ забѣжавшій въ мельницу разсыльный.

„Насчетъ чего, не слыхалъ?“ — угрюмо спросилъ мельникъ, не глядя на разсыльнаго.

„Да насчетъ помочи крестьянамъ, своимъ значитъ. Которые съ войны . . .“

„Такъ, такъ . . . Зайдемъ. Спасибо“, — отрывисто отвѣтилъ мельникъ и полѣзъ по лѣсенкѣ къ ковшу, къ засыпкѣ.

Съ такимъ волненіемъ въ душѣ, съ какимъ шелъ Парѳенъ на сходъ въ волость, онъ, Парѳенъ, ходилъ лишь къ причастью, да и то давно — въ молодости. Будто онъ рѣшилъ сдѣлать большое дѣло, но такое, которое никого не удивило бы, а ему самому было лишь радостью и оправданіемъ его одинокой и добросовѣстной жизни, дѣло, которое разъяснило-бы цѣль его труда и его суровой аккуратности.

Много шумѣли въ волости, много путали и много разъясняли и когда всѣ утомились и сдѣлали будто все возможное, а писарь уже началъ писать приговоръ, — къ столу съ красной скатертью подошелъ и Парѳенъ. Онъ словно выравнялся, помолодѣлъ; его глаза смотрѣли искренно и просто; морщинки старческаго лица сгладились. Онъ полуобернулся къ міру — къ сходу, и не глядя ни на кого досталъ изъ кармана платочекъ съ бумагами и деньгами.

„Здѣсь, господа-хрестьяне, моя жертва нашимъ воинамъ. Вотъ все, что имѣю и что я заработалъ моимъ трудомъ, который былъ у васъ у всѣхъ передъ глазами — не откажите принять трудовое. А здѣсь мои купчія бумаги на устругоѳскую земельку, прошу ее закрѣпить за покалѣченнымъ Степаномъ Кругляковымъ. Я радовался устругоѳской земелькѣ и былъ радъ моему капиталу, а теперь пусть они радуютъ другихъ людей и облегчатъ имъ жисть. Пусть Богъ здоровьемъ не обидитъ, а я буду радъ чужой радости! . . .“

Снова загалдѣли мужички-хрестьяне . . .

Но Парѳенъ спокойно и сторонясь каждаго, вышелъ изъ душной избы. Легко и полной грудью вздохнулъ онъ вечернимъ морознымъ воздухомъ и увѣренной походкой облегченнаго, счастливаго человѣка пошелъ подъ гору къ рѣкѣ, къ своимъ жерновамъ и крѣпкой плотинѣ.

Евгенія Гиршбергъ-Пухеръ.

Къ дочери.

Дитя, навстрѣчу дню итти
Спѣши, смѣясь, какъ незабудка.
Привѣтствуй счастье по пути,
Но и страданью внемли чутко.

Склоняйся, кладъ поднять спѣша;
Не избѣгай земли дыханья —
Пусть отразитъ твоя душа
Людскія всѣ переживанья.

Къ борьбѣ съ судьбой путей иныхъ
Я указать тебѣ не смѣю —
Я передъ властью правъ святыхъ
Великой юности нѣмѣю.

Когда-жъ извѣдать жизнь стремясь,
Узнаешь ты грѣха томленье —
Тебѣ въ мой грозный смертный часъ
Моя любовь, мое прощенье.

Переводъ съ нѣмецкаго Н. М.

Женщина. Скульптура д-ра В. Гиршберга.

Янъ Порукъ.

Музъ.

Съ осанкой юной королевы,
Въ вѣнкѣ изъ розовыхъ цвѣтовъ
Глядишь ты взоромъ ясной дѣвы
И будишь рѣзвую любовь.

Когда жъ, насмѣшкою гонимый,
Бѣгу я отъ толпы людей
Въ свой домикъ, бѣдный и родимый,
Безъ ласки дѣвъ и безъ друзей, —

Ко мнѣ ты двери отворяешь,
Какъ сонъ прелестная, идешь,
Меня улыбкою ласкаешь,
И мнѣ какъ другу руку жмешь.

Невольно къ груди ароматной
Клоню я голову свою
И полонъ силы благодатной
Я пѣсню новую пою.

Н. Пономаревъ.

На морскомъ берегу.

„На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ собрались дѣти. Буря мечется въ бездорожномъ небѣ; корабли безслѣдно тонутъ въ пучинѣ; смерти свирѣпствуютъ; а дѣти играютъ. Дѣти играютъ на морскомъ берегу міровъ".
Рабиндранатъ Тагоръ.

Дѣтство! Сколько въ этомъ словѣ наивной простоты и прелести, ясной довѣрчивости, звонкаго искрящагося смѣха, и какъ прекрасенъ міръ его грезъ и безплотныхъ фантазій!

Все смѣется вокругъ, все поетъ, все трепещетъ. На омытыхъ ночнымъ дождемъ лаковыхъ листочкахъ кудрявыхъ деревьевъ дрожатъ сверкающія въ солнечныхъ лучахъ росинки: это дѣтскія слезы . . .

Всплески шаловливыхъ волнъ, мелодично звенящихъ и игриво блистающихъ вдоль золотистой песчаной каймы — это звонкій беззаботный дѣтскій смѣхъ.

Звуки, краски, солнце, море и цвѣты ткутъ золотистые воздушные сны, сны голубой безбрежности . . . Внизу, подъ ногами — сверкающая бездна, вверху — голубой просторъ съ табунами бѣлыхъ, какъ снѣгъ, кучевыхъ облаковъ.

Точно въ заколдованномъ царствѣ доброй золотоволосой красавицы-феи!

* * *

Море смѣется, и маленькія шаловливыя волны звенящими всплесками то и дѣло взбѣгаютъ на отлогій песчаный берегъ и, сверкая на солнцѣ, разсыпаются узорчатой пѣной, быстро тающей на золотистомъ пескѣ.

Съ моря тянетъ соленой свѣжестью и горьковато-приморнымъ запахомъ морскихъ травъ.

На самомъ берегу моря собрались дѣти, и ихъ чистые высокіе голоса и звонкій смѣхъ, переливающіеся съ всплесками пѣвучихъ волнъ, блистаютъ радостью и счастьемъ. Дѣти копошатся въ сыпучемъ золотистомъ пескѣ, строятъ быстрыми ручонками домики, валы, города, разрушаютъ ихъ и снова сооружаютъ. Часть дѣтворы насобирала въ раковины маленькихъ смѣшныхъ крабиковъ, выброшенныхъ на песокъ шаловливыми волнами, и торжественно несетъ показывать свои трофеи всему дѣтскому обществу.

Всѣ на минуту бросаютъ свои архитектурныя занятія и съ хохотомъ и визгомъ окружаютъ процессію.

Русыя и черныя головки склоняются надъ находкой, и десятки внимательныхъ глазъ съ любопытствомъ разсматриваютъ диковинныхъ маленькихъ обитателей моря; со всѣхъ сторонъ тянутся маленькія ручонки, выпачканныя въ мокромъ пескѣ, переворачиваютъ неуклюжихъ крабиковъ на спинку и заставляютъ ихъ смѣшно и безпомощно двигать колѣнчатыми ножками. Кто то изъ дѣтей предлагаетъ поселить крабиковъ въ песочныхъ домикахъ; всѣ шумно соглашаются, и работа, затихшая на минуту, снова закипаетъ.

— У насъ вчера папочку проводили, весело говоритъ какая то маленькая дѣвочка и, осторожно поднеся запачканную руку къ подбородку, третъ его.

— А куда?

— На войну поѣхалъ, воевать.

— У насъ тоже проводили. Нашъ папочка только недавно сдѣлался офицеромъ, — привѣсилъ сбоку саблю на—сто—я—щу—ю! и сталъ ходить вотъ такъ . . .

Ребенокъ вскочилъ на ноги и, приставивъ къ лохматой черной головкѣ смугленькую ручонку ладонью кверху и вытянувъ въ струнку худенькое тѣльце, сталъ маршировать, восторженно озираясь по сторонамъ.

— Я думалъ, что онъ просто такъ нарядился, впонарошки . . . а потомъ, смотрю, онъ

и не думаетъ снимать своей формы . . . Ахъ, какъ я обрадовался! Мамочка цѣлый день плакала . . . вѣроятно, тоже отъ радости . . . А папка хитрый. Онъ никому ничего не сказалъ, нарядился въ своемъ кабинетѣ, — да вдругъ какъ выйдетъ къ намъ! . . . Это было такъ неожиданно, что мамочка испугалась, не выдержала и тихо заплакала и только потомъ ужъ разговорилась, стала даже смѣяться . . . Нѣтъ, и мамка славная! Я и ее люблю . . . да и всѣхъ, всѣхъ люблю я . . .

— Теперь только однихъ нѣмцевъ нельзя любить, — убѣжденно вставляетъ другой мальчуганъ, — они злые, нехорошіе . , .

— Нѣмцевъ? подхватываютъ всѣ хоромъ, и вдругъ соглашаются: — да, да . . . Ихъ нельзя любить . . . Они драчуны и задиры. . . Первые захотѣли играть въ войну.

— Взрослые не играютъ, а воюютъ . . .

— Господа, а гдѣ же наши крабики?

— Они уползли, вѣроятно . . .

— Нѣтъ, мы ихъ закопали, — несмѣло раздается нѣсколько голосовъ, — . . . нечаянно . . .

— Зачѣмъ же вы? Ну что это такое! Крабики смирненькіе и слабенькіе . . . Развѣ они вамъ мѣшали?

— Мы говоримъ же вамъ, что... нечаянно — начинаютъ уже возбужденно спорить дѣти.

— Господа, Ляликъ плачетъ! , . .

— Гдѣ? Отчего? Почему? . . . раздаются голоса, и всѣ вдругъ бросаютъ игры, вскакиваютъ, бѣгутъ и окружаютъ горько плачущаго Лялика . . .

— Ляликъ, ты что? — Ляликъ, перестань! — Ляликъ милый, мы тебя любимъ . . . раздаются со всѣхъ сторонъ сочувствующіе голоса . . .

— Господа, утѣшимъ Лялика! Его кто-то обидѣлъ . . . Ляликъ, кто тебя? . . .

— Почему ты плачешь?

— Я плачу—у!... Гы—и—и!... Я волну раздавилъ, утирая мокрыми кулачками глаза, говоритъ сквозь слезы маленькій Ляликъ.

— Какъ раздавилъ!? . . .

— Такъ и раздавилъ . . . ботинкой . . . Она подбѣжитъ ко мнѣ и засмѣется, а потомъ опять убѣжитъ . . . подбѣжитъ и убѣжитъ . . . Я игралъ, игралъ съ ней, разговаривалъ съ ней, разговаривалъ, а потомъ за что то разсердился на нее, наступилъ ботинкой и . . . нечаянно раздавилъ ее . . . — она и не стала больше смѣяться и играть со мной . . . Во—отъ она! и поднявъ правую ногу, Ляликъ показалъ окружающимъ свою мокрую ботинку.

— Глупый Ляликъ, онъ еще маленькій! покровительственно треплетъ его по спинкѣ и объясняетъ всѣмъ кудрявая дѣвочка съ яснымі широко раскрытыми синими глазами и нѣжно цѣлуетъ его въ губки. Ляликъ, дѣйствительно, успокоился, словно торжественное признаніе его глупенькимъ и маленькимъ явилось для него самымъ нужнымъ и самимъ драгоцѣннымъ утѣшеніемъ; вытирая остатки быстро высыхающихъ слезъ на щекахъ, онъ теперь уже счастливо улыбался своимъ юнымъ друзьямъ.

— А крабиковъ то откапывать! . . .

— Да, да, крабиковъ, крабиковъ! . . . Побѣжимъ . . .

— Побѣжимъ, Ляликъ! . . .

* * *

Потемнѣло лазурное море.

Теперь волны уже съ шумомъ и плескомъ опрокидывались на песчаный берегъ и окачивали шелестящей пѣной и міріадами брызгъ гладкія гранитныя скалы. Вѣтеръ напитался морской свѣжестью и все чаще и чаще срывалъ гребни пѣнистыхъ волнъ, разбивая ихъ въ мелкую водяную пыль.

Страшная черная туча ползла съ запада и заволакивала собой горизонтъ . . . Скрылось за быстро мчащимися облаками сіяющее солнце, и на землѣ сдѣлалось вдругъ какъ то сиротливо и пусто.

Надвигалась буря съ грозой и ливнемъ. Зашумѣлъ и запѣнился безконечный водный просторъ, а по водѣ понеслись первые вѣстники воинственныхъ волнъ. На горизонтѣ быстро появлялись, напуганные приближеніемъ бури, остроконечные паруса рыбачьихъ косоушекъ и шкунъ, но такъ же быстро скрывались изъ глазъ, словно гибли въ морской пучинѣ.

Буря будетъ!

Дѣти! Бѣгите домой, — приближается буря съ грозой и ливнемъ . . . Бѣгите, спрячьтесь отъ близкихъ ударовъ затаившагося грома и грозныхъ вспышекъ ослѣпительныхъ молній, полосующихъ бездорожное небо!

Приближается страшная буря! . . .

. . . Но дѣти попрежнему играли, веселы и беззаботны . . .

„На морскомъ берегу безконечныхъ міровъ, съ криками и плясками собрались дѣти.“ . . .

Всеволодъ Чешихинъ.

Артисту.

Больной Саулъ, я жаждаю музыки.
Играй, Давидъ, и арфой золотою
Сгони тоску-печаль съ чела владыки . . .
Озолотить могу я похвалою!

Но если ты не угодишь, — съ размаху
Метну въ тебя копье насмѣшки острой;
Оно пронзитъ твою застежку-бляху
И привоздитъ кусокъ одежды пестрой! . .

Евг. Шаранцевъ.

Зачарованный садъ.

Есть садъ зачарованный. Входы ревниво
Скрываютъ навѣсы зеленыхъ вѣтвей;
Въ немъ фея-мечта схоронилась пугливо
Отъ взора нескромныхъ очей . . .

Немногіе витязи волею властной
Проникли въ тотъ тихій, зеленый пріютъ, —
Но тайную службу царевнѣ прекрасной
У входа иные несутъ.

Они — не носители мысли высокой,
И имъ не подвластны людскія сердца.
Но все-же порой ихъ души одинокой
Коснется фатою мечта;

И, вешнимъ исполненный благоуханьемъ,
Привѣтъ имъ пошлетъ зачарованный садъ,
И съ радостью тихой, и съ тихимъ страданьемъ
Приблизится къ брату собратъ.

И знаютъ они, что въ душѣ ихъ мятежной
Есть гдѣ-то желанный, безмолвный пріютъ,
Гдѣ въ зимнюю стужу для феи ихъ нѣжной
Нетлѣнныя розы цвѣтутъ . . .

Райнисъ.

Пѣсня дѣвушки.

Не пой такъ грустно, соловей,
Дай отдохнуть душѣ моей,
Въ слезахъ томилась я всю ночь,
Тоску не въ силахъ превозмочь.
Душа моя темна, грустна,
Твоими пѣснями полна.

Съ постѣли встану я чуть свѣтъ —
Въ тѣхъ комнатахъ и солнца нѣтъ,
Тамъ копоть лампъ, тамъ пыль одна,
Тамъ жизнь моя погребена,
Тамъ, гдѣ подъ бой часовъ въ тѣни
Проходятъ вечера и дни.

И ночь и утреннюю тишь
Ты звонкой пѣсней огласишь.
Ты не замолкнешь до утра,
Когда къ работѣ мнѣ пора.
Не пой такъ грустно, соловей,
Дай отдохнуть душѣ моей.

Съ лат. пер. Вирза.

Е. Магнусгофская.

Въ пустынныхъ залахъ.

Въ тихіе ночные часы, когда замираетъ и безъ того полумертвая жизнь огромнаго дворца и остаются бодрствующими только часовые, подобно изваяніямъ безмолвно стоящіе у входовъ длинныхъ корридоровъ — въ эти тихіе часы поднимается онъ со своей мягкой постели и, беззвучно ступая по густымъ коврамъ, начинаетъ бродить по громаднымъ пустымъ заламъ. Онъ уже давно не можетъ спать. Уже давно влачитъ онъ жалкое существованіе полубольного — полубезумнаго. День — это кошмаръ; ночь — это бредъ. Что страшнѣе, день или ночь? Днемъ невозможно одиночество: весь день вокругъ него люди, льстивые, угождающіе его малѣйшимъ желаніямъ, но тщательно скрывающіе правду, ту страшную правду, что отражается только въ ихъ глазахъ. И съ каждымъ днемъ все грознѣе, все неизбѣжнѣе эта правда . . .

Хотѣлось бы убѣжать, убѣжать отъ всѣхъ, чтобы не видѣть, не понимать этой близкой правды. Но куда бѣжать?

Какъ тѣнь бродитъ онъ по пустымъ заламъ; но нѣтъ, залы не пусты, и даже теперь, ночью, онъ не одинъ.

Онъ выползаютъ изъ всѣхъ темныхъ угловъ, онъ смотрятъ на него изъ всѣхъ дверей, онъ смыкаютъ вокругъ него магическое кольцо — эти непрошенныя гостьи, тѣни прошлаго.

И преступленія юности, казалось, давно уже искупленныя долгой безрадостной жизнью, омытыя мученической кровью жены и сына — они снова выползаютъ въ полумракъ зимней ночи, и давятъ мозгъ своею невыносимою тяжестью.

„Довольно, довольно!“ хочетъ крикнуть престарѣлый императоръ, отмахиваясь руками отъ назойливыхъ видѣній, но глаза его сами, противъ его воли, вглядываются въ темноту, стараясь узнать новыя, давно знакомыя, давно полузабытыя фигуры.

Гонимый холоднымъ ужасомъ, спѣшитъ онъ въ другіе покои — но и тамъ онъ не одинъ, и тамъ изо всѣхъ угловъ выползаютъ мрачныя кровавыя тѣни. Изможденные, худые, оборванные, проходятъ передъ императоромъ его полки, медленно, сосредоточенно, какъ на парадѣ, молча отдаютъ честь, но изъ глазъ ихъ смотритъ голодъ и смерть . . . и она — страшная правда, которую такъ боится прочесть онъ въ глазахъ своихъ приближенныхъ.

Безконечной вереницей тянутся полки, и таютъ въ бѣлесовато-зеленомъ туманѣ ночи . . . Они уходятъ, безропотно и безвозвратно уходятъ въ тьму смерти, — безсмысленная и безполезная жертва! А эти женщины съ блѣдными, измученными лицами, съ нѣмымъ вопросомъ въ страдальческихъ глазахъ: „Гдѣ наши мужья? Сыновья? Братья? Гдѣ отцы нашихъ дѣтей?“

И такъ жутко, такъ больно отъ взгляда этихъ глазъ, что никакія слова оправданья не идутъ на языкъ.

„Вѣдь и я такая же жертва, какъ вы“ — шепчутъ беззвучныя губы — „вѣдь не я начиналъ войну . . . не я, а „онъ“ . . . и я вѣдь жертва“ . . .

Но не слышатъ онъ оправданій стараго монарха, и идутъ все новыми и новыми толпами, съ этой страшной правдой въ глазахъ . . .

Ужасны призраки зимней ночи, но есть во дворцѣ одинъ, самый страшный, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ тѣни убитыхъ солдатъ и измученныхъ женщинъ. Его можно видѣть только на разсвѣтѣ.

И, какъ только пробьются на востокѣ первые дневные лучи, старый монархъ съ леденѣющей кровью ждетъ, жадно всматриваясь въ страшную тьму.

Но она еще не идетъ, Бѣлая дама Габсбурговъ, хотя съ каждымъ разсвѣтомъ ближе ея шаги, и слышнѣе шорохъ ея длинныхъ одеждъ, отъ каждой складки которыхъ вѣетъ ужасомъ и холодомъ смерти.

Еще нѣтъ ея — но она уже близка, и близокъ тотъ день, когда двери склепа закроются навѣки за послѣднимъ императоромъ Австріи . . .

Онъ знаетъ это — и ждетъ, и до утра бродитъ, живая тѣнь среди привидѣній, по громаднымъ, неуютнымъ залamъ дворца.

А когда въ готическія высокія окна проникнутъ первые лучи холоднаго зимняго солнца, императоръ медленно возвращается въ свой кабинетъ съ тяжелымъ предчувствіемъ новыхъ пораженій, новыхъ печальныхъ вѣстей . . .

Янъ Порукъ.

Весенняя симфонія.

Вотъ тихо небеса раскрылись
И книзу ринулись лучи,
Они съ землею примирились,
И, пѣнясь, снѣгъ сбѣжалъ въ ручьи.
Улыбкой небо освѣтилось
И сердце встрепенулось вдругъ
Смотри, кому здѣсь чудо снилось:
Творятся чудеса вокругъ!

Звучно пчелы
Заносились,
Почки къ свѣту
Запросились.
Жаворонокъ
Въ высь несется
Звонко пѣсня
Раздается.
Вотъ больной,
Кому не спится,
Влѣзъ въ окно
Повеселиться.
Парнямъ некогда
Обуться,
Невзначай
Къ красоткамъ
Жмутся.

Философъ вонъ изъ кабинета,
Гдѣ фоліанты червь грызетъ,
Идетъ вдохнуть тепла и свѣта,
Ошеломленный счастья ждетъ.

А тамъ поэтъ, стихи спаливщій,
Стыдясь, за рощей видитъ долъ,
Такъ дивно все завороживщій, —
Что трудъ онъ свой излишнимъ счелъ.
Онъ видитъ; пахарь въ дымкѣ нѣжной
Бредетъ по темной бороздѣ,
Надъ нимъ рой птицъ изъ рощи смежной
И пастуховъ рожки вездѣ.

Съ лат. пер. В. Эглитъ.

В. Гюнтеръ.

Въ уголкѣ.

Набросокъ изъ латышской жизни.

Тамъ, гдѣ гуще всего кусты цвѣтущей сирени, виднѣется, осѣненная тѣнистыми вѣтвями, заплатанная крыша, нескладно насаженная на четыре стѣны маленькаго домика. Тамъ, за этими старыми стѣнами, зацвѣталъ, цвѣлъ и угасъ цѣлый человѣческій вѣкъ.

Рыбаки, живущіе у озера, называютъ этотъ домикъ «уголкомъ», и они правы, потому что онъ лежитъ вдали отъ другихъ строеній, полускрытый въ тѣни зеленой бесѣдки. Золотые лучи заката не забываютъ никогда этотъ уголокъ. Когда за тѣмъ берегомъ рѣки, проливая свои послѣднія яркія краски, угасаетъ усталый день — одинъ какой-нибудь сердобольный лучъ проникаетъ между густыхъ вѣтвей сирени и смотритъ сквозь зеленоватыя, тусклыя стекла въ комнату столѣтней Трины. Тогда съдая старуха отрывается на минуту отъ своихъ сѣтей и медленно проводитъ костлявой рукой по морщинистому лбу.

Снова прошелъ день. Уже, быть можетъ, завтра подойдетъ ангелъ смерти къ постели старой женщины и приметъ ея усталую душу.. Такъ часто думаетъ по вечерамъ старая Трина.

Недалеко отъ стула стоитъ ея постель — узкая рама на двухъ неровныхъ подставкахъ, съ простымъ сѣнникомъ, неудобнымъ и неровнымъ, какъ море въ октябрьское утро. Подушкой и одѣяломъ служатъ ей юбки.

Въ комнатѣ стоитъ еще одна постель, болѣе удобная, покрытая краснымъ шерстянымъ одѣяломъ. Это постель ея внучки, которая днемъ работаетъ въ людской кухнѣ богатаго помѣщика. Бабушка всегда ждетъ съ нетерпѣніемъ ея возвращенія, хотя никогда еще не слыхала отъ дѣвушки добраго слова. Иногда внучка приноситъ нѣсколько картошекъ, и, если дома есть дрова, то вечеромъ бываетъ прекрасное добавленіе къ давно надоѣвшей соленой рыбѣ. Но, по большей части, бабушка должна ложиться голодной. Но она почти и не замѣчаетъ голода. Она уже мало что понимаетъ, мало что помнитъ. Только отрывочно и смутно мелькаютъ въ ея головѣ обрывки воспоминаній. Когда она начинаетъ перелистывать книгу своего прошлаго — Боже, какъ много тяжелыхъ часовъ вспоминается ей тогда . . .

Двѣнадцатилѣтней дѣвочкой лишилась она матери. Отецъ ея былъ раздражителенъ и ворчливъ. Когда онъ возвращался домой съ неудачной ловли, онъ ругалъ и билъ дочь. Дѣвочка плакала . . .

Но и отецъ жилъ недолго, и пятнадцати лѣтъ Трина осталась круглой сиротой. Старая родственница перешла въ «уголокъ» и заставляла дѣвочку чинить сѣти, пока не шла кровь изъ ея маленькихъ пальчиковъ.

Когда ей исполнилось семнадцать лѣтъ, увидѣлъ ее въ «уголкѣ» рыбакъ, которому она очень понравилась. Однажды онъ остановилъ ее у колодца и со смѣхомъ поцѣловалъ ея влажныя губы. Потомъ стали говорить: рыбакъ Ансъ женится на «Тринѣ изъ уголка».

Въ этихъ же стѣнахъ, которыя видѣли горе маленькой Трины, протекала жизнь счастливыхъ супруговъ и троихъ дѣтей. Они были довольны. Ансъ былъ работящій и бережливый человѣкъ. Имъ принадлежали три грядки картофеля и двѣ грядки салата, а въ сѣняхъ сидѣла на яйцахъ наседка. Крышу стараго домика подновили и передѣлали.

Когда подросли дѣти, безжалостная смерть вырвала отца изъ среды любимой семьи. Бѣдность плачетъ рѣдко. Но въ тѣ часы горькія слезы текли обильно изъ глазъ несчастной вдовы.

Но все забывается. Наконецъ, настала день веселой свадьбы: младшая дочь покидала родной «уголокъ». Съ вдовой Триной остался только сынъ и старшая дочь. Послѣдняя помогала ей вязать сѣти, а сынъ плавалъ по бурному морю, и, если случался удачный уловъ, съ тихой радостью думалъ объ оставшихся въ родной хижинѣ.

И опять постучала костлявая рука смерти въ маленькую дверь «уголка». Она пришла за сестрою. Братъ сколотилъ изъ досокъ лишней лодки гробъ, и отнесъ съ товарищами на кладбище.

Старушка осталась безъ помощницы, и трудно было ей подчасъ работать со своими подслѣповатыми глазами.

Но вотъ женился сынъ, и Трина должна была удалиться въ самый темный уголъ хижины. Теперь ей не надо было больше стряпать, но за то приходилось выслушивать съ утра до ночи безконечные упреки. Ничѣмъ не могла она угодить молодой хозяйкѣ, хотя съ готовностью убрала бы, кажется, даже самое себя въ самый дальній уголъ кладовой, какъ старую, никому ненужную мебель.

Когда въ «уголкѣ» родилось третье поколѣніе, старушка совсѣмъ лишилась покоя. Съ утра до ночи приходилось ей теперь няньчить дѣтей и отвѣчать за всѣ шалости непослушныхъ, грубыхъ ребятъ.

Но и эти годы канули въ вѣчность.

Опять праздновались въ «уголкѣ» свадьбы и крестины, съ игрой на гармоникѣ, съ водкой и соленой рыбой, и старушка съ громаднымъ букетомъ сирени бормотала какія то поздравленія, которыя никто не слушалъ.

Наконецъ, она осталась опять одна, съ одной только внучкой.

Грустную молодость смѣнила печальная старость. Ея лицо покрылось глубокими морщинами, глаза стали мутными, какъ стекла того маленькаго окна, у котораго она изо дня въ день вязала свои сѣти — сто локтей за рубль. Вырученную тяжелымъ трудомъ плату она прятала въ своей постели, подъ сѣнникъ. Но злая внучка знала объ этомъ и по ночамъ выкрадывала деньги. Напрасно на другой день старушка искала свою монету, потому что ей помнилось, будто вчера она вернулась съ деньгами, но потомъ утѣшалась тѣмъ, что это, навѣрное, только ея воображеніе, и принималась снова за тяжелый трудъ.

Зимою было адски холодно. Внучки не бывало дома, а Трина мерзла цѣлый день въ нетопленной комнатѣ.

Въ одинъ такой день старушка собралась съ духомъ и, накинувъ на плечи красное одѣяло, поплелась съ трудомъ, опираясь на палку, въ имѣніе, чтобы попросить дровъ. У большихъ воротъ стоялъ слуга въ ливреѣ съ золотыми пуговицами. Старушка такъ испугалась его грознаго вида, что стала бормотать что то непонятное, нескладное, какъ ребенокъ.

Лакей врядъ-ли понялъ и половину изъ того, что та ему сказала, крикнулъ только рѣзкое «вонъ!» и она поплелась назадъ, въ свою нетопленную коморку, къ своему сѣннику и вѣчному вязанью. Когда вернулась домой внучка и развела небольшой огонь, старуха стала просить не оставлять ее больше безъ дровъ. Но та не обращала вниманія на просьбы старухи. Вѣдь бабушка была для нея колодкой на ногѣ, мѣшавшей ея свободному существованію. Она мучила ее днемъ своими вздохами и нытьемъ, а по ночамъ мѣшалъ дѣвушкѣ спать старческій кашель.

Какъ могла бы она весело жить, если-бы не эта скучная старуха!

Пока внучка раздраженно думала свои невеселыя думы, старуху осѣнила новая мысль: Какъ хорошо было бы умереть, уйти къ друзьямъ молодости, которые давно уже спятъ подъ росистой травой.

И старуха сложила руки на тихую молитву о ниспосланіи ей скорой смерти.

Но зла и злорадна эта гостья съ косой: она наноситъ раны самой цвѣтущей жизни, а тамъ, гдѣ усталая душа жаждетъ покоя — она со смѣхомъ проходитъ мимо.

* * *

Однажды въ маѣ мѣсяцѣ, когда сирень была въ полномъ цвѣту, пришло старушкѣ въ голову: она не знаетъ, сколько ей лѣтъ. Ей должно быть, пошелъ уже восмидесятый годъ. О, да, конечно: внучка давно уже пережила свой тридцатый день рожденія.

Мысль о лѣтахъ не давала старушкѣ покоя и она до тѣхъ поръ просила рыбака Озоля, пока онъ не обѣщалъ перевезти ее на тотъ берегъ озера, гдѣ жилъ пасторъ. У него вѣдь хранится множество толстыхъ книгъ, въ которыхъ записаны дни рожденій и смерти всѣхъ прихожанъ.

И вотъ насталъ день, когда Озоль посадилъ бабушку въ лодку и повезъ на тотъ берегъ озера. У старушки было такое чувство, будто она отплываетъ уже въ царство тѣней, и холодный туманъ напоминалъ ей холодное вѣяніе смерти.

Пасторъ долго искалъ въ книгахъ, но, наконецъ, становилъ палецъ на совсѣмъ пожелтѣвшей уже страницѣ, и прочелъ: «Трина Биндеръ, родилась 14 мая 1814 . . . значитъ, тебѣ ровно сто лѣтъ!»

— Сто лѣтъ! Старуха качала головой — ей казалось это сномъ. Озоль тоже удивился. «Не причастите ли вы ее», обратился онъ къ пастору — «она скоро, должно быть, умретъ, а во второй разъ я ее сюда не повезу».

Когда пасторъ вышелъ въ облаченіи, странная дрожь охватила старую Трину.

Пасторъ причастилъ ее, какъ ребенка, благословилъ, а затѣмъ Озоль отвезъ ее домой.

На слѣдующее утро Трина больше не встала и внучка, прежде, чѣмъ уйти на работу, закрыла ея большіе, стеклянные глаза, а потомъ, облегченно вздохнувъ, стала смотрѣть на голубое, ясное весеннее небо.

Четыре загорѣлыхъ рыбака вынесли темно-синій гробъ на кладбище. Въ покойницкой еще разъ открыли крышку гроба. Старушка лежала въ гробу, похожая на высохшую хлѣбную куколку, и странное впечатлѣніе производили ярко-красные бумажные цвѣты ея чепчика.

Пропѣли разстянно чахоточный хоралъ — мысли провожавшихъ были не съ покойной, а

скорѣе, съ бутылкой доппель-кюммеля и поминальнымъ пудингомъ, ожидавшими ихъ по окончаніи печальной церемоніи.

Пасторъ сказался больнымъ. Причетникъ сказалъ хриплымъ голосомъ короткое надгробное слово, потомъ опустили гробъ въ могилу и бросили первую горстку земли.

На могилкѣ нѣтъ ни цвѣтовъ, ни креста, Ничто не указываетъ мѣста послѣдняго упокоенія столѣтней человѣческой жизни и невѣдомую никому могилку освѣщаютъ только золотые солнечные лучи, не разъ ласково смотрѣвшіе въ запыленныя окна «уголка», въ тѣ часы, когда разливая красно-малиновыя краски, угасалъ тихій лѣтній вечеръ.

Перев. съ нѣмецк. Е. К.

Райнисъ.

Бурное время.

1.

На небѣ облако высоко поднялось
И солнца ликъ въ тяжеломъ мракѣ скрылся.
Подъ нимъ огонь, что пламенѣлъ и лился,
Растрепанъ падаетъ, какъ золото волосъ.

Но облако растетъ — въ испугѣ сердце ноетъ;
Полнеба темнотой уже заволоклось.
Гнететъ упавшій духъ и блѣдность щеки кроетъ.

Ложится на душу невѣдѣнье и сплинъ,
Желанья жаждутъ дальнихъ солнечныхъ равнинъ.

2.

Но облако ползетъ все выше и темнѣй, —
Лучи и свѣтъ давно у тьмы въ неволѣ.
Ужъ небеса гудятъ, молчитъ угрюмо поле,
И ласточки кружатъ такъ низко надъ землей.

Вдругъ грянулъ громъ и вотъ внезапно буря
Все превращаетъ въ ревъ, и свистъ, и трескъ, и вой.
Ломаетъ дерева, рѣчныя глади хмуря,

Ломаетъ, топчетъ жизнь безжалостной ногой,
Терзаетъ ликъ земли въ той ярости слѣпой.

3.

Вотъ все подавлено — покрылась мракомъ твердь.
Зарницъ несмѣлый блескъ. Ночь въ ужасѣ застыла.
Вотъ дождь замороситъ во мглѣ туманной. Сила
Взяла свое, — стоитъ, какъ стража, смерть.

Безсиленъ духъ и тяжелѣютъ вѣжды —
Въ сердцахъ лишь рѣдкихъ скрытъ огонь, чтобъ вновь
Мысль разжигать, души вспугнуть надежды.

Ночь холодна, дождь проникаетъ въ кровь,
Въ болотахъ стоны мрачныхъ голосовъ...

Съ лат. пер. Вирза

Голова шахтера. Скульптура д-ра В. Гиршберга.

Б. Таевскій.

На отдыхъ.

Наступило временное затишье.

Только изрѣдка бухали, какъ спросонокъ, невидимыя орудія противника; имъ отвѣчали не торопясь наши и опять наступала тишина, прерываемая иногда торопливой трескотней выстрѣловъ.

Пользуясь затишьемъ, старались дать возможность отдохнуть утомленнымъ солдатамъ. Въ окопахъ было оставлено только минимальное количество людей, а остальныхъ размѣстили по сосѣднимъ деревнямъ.

Когда мы прибыли въ отведенную для насъ

деревню, то оказалось, что для „господъ офицеровъ" предоставленъ цѣлый помѣщичій домъ. Правда, онъ былъ невеликъ, но я во всю свою жизнь не видалъ такого уютнаго помѣщенія. Небольшія низенькія комнатки съ коврами на полу и на стѣнахъ, съ мягкими низенькими диванчиками, тоже обитыми ковровой матеріей, уносили наше воображеніе въ мирную среду старосвѣтской жизни.

Особенно хорошо стало вечеромъ, когда мы зажгли старинную люстру съ пожелтѣвшими свѣчами.

— Ну, прямо тридцатые годы! — восхищался я.

— Да! — согласился капитанъ Рябцовъ. — Недостаетъ только самовара, трубки и мирныхъ разговоровъ о прошломъ.

— Съ фантастической окраской! — вставилъ поручикъ Дардешвилли.

— И это не мѣшаетъ!

Въ это время вѣстовой внесъ кипящій самоваръ и мы, налившъ по стакану чая, разсѣлись по разнымъ угламъ, наслаждаясь уютомъ теплой и свѣтлой комнаты.

Вышедшій на минуту изъ комнаты Дардешвилли возвратился снова, держа въ рукахъ старинную трубку съ длиннымъ черешневымъ мундштукомъ.

— Диржи, душа мой! — подалъ онъ трубку Рябцову. — Куры на здоровье! А ужъ разсказъ ты самъ поищи въ памяти. Вѣдь не даромъ ты пятьдесятъ лѣтъ на свѣтѣ болтаешься!

— Ну, положимъ, не пятьдесятъ, — проворчалъ бравый капитанъ, — но разсказецъ подходящій найдется.

* * *

Капитанъ раскурилъ трубку и растегнувъ тужурку началъ:

— Это было не такъ давно, какъ разъ въ тотъ годъ, какъ я получилъ роту. Нашъ полкъ стоялъ въ Волыни. Зиму мы провели въ Ровно, — городишко препаршивый. На лѣто же намъ отвели лагерь въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній на рѣкѣ Горынь. Если кто нибудь изъ васъ, господа, бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, то знаетъ, конечно, что это за благодатный край! Единственнымъ недостаткомъ его является сырость, которая по вечерамъ прямо дѣлается нестерпимой. Благодаря этой сырости, я захватилъ жесточайшій ревматизмъ и принужденъ былъ перебраться изъ палатки въ домъ управляющаго имѣніемъ. Старый холостякъ занималъ цѣлый громадный домъ и съ радостью отвелъ мнѣ нѣсколько комнатъ. По вечерамъ мы съ нимъ перебрасывались въ картишки, пили запеканку и вообще проводили время недурно.

Это мирное житіе было нарушено однажды непріятнымъ случаемъ. Одинъ изъ солдатъ моей роты, состязаясь въ ловкости съ товарищами, взобрался на дерево, сплоховалъ и упалъ такъ неловко, что его замертво снесли въ лазаретъ. Несмотря на всѣ усилія нашего доктора, было ясно, что дни бѣдняги сочтены. Сознавалъ это и онъ самъ.

Однажды, когда я пришелъ его навѣстить, онъ попросилъ меня написать письмо его роднымъ и отослать имъ имѣющіеся у него десять рублей.

— Ужъ вы, ваше высокородіе, не откажите, — просилъ онъ, — все старикамъ легче будетъ, когда они узнаютъ, что самъ ротный командиръ имъ пишетъ. А деньги здѣсь, подъ подушкой.

Я началъ ему говорить, что онъ скоро поправится и самъ напишетъ, но солдатъ чувствовалъ уже приближеніе смерти, и только грустно улыбался.

Черезъ два дня бѣдняга умеръ.

Я, конечно, исполнилъ его просьбу, но къ удивленію не нашелъ у него подъ подушкой никакихъ денегъ. Предположивъ, что деньги или потеряны, или украдены, я отправилъ свои и успокоился.

Во время всѣхъ этихъ хлопотъ, я много ходилъ, запустилъ свое леченіе и ревматизмъ мой до того разыгрался, что я окончательно слегъ въ постель.

Дня черезъ три послѣ похоронъ, ночью, боль нѣсколько утихла, и я заснулъ.

Въ сосѣдней комнатѣ заботливый хозяинъ помѣстилъ на всякій случай своего лакея Станислава.

Проснулся я, какъ мнѣ кажется, не отъ боли, а отъ какого-то страннаго толчка: какъ будто кто меня встряхнулъ. Я проснулся, открылъ глаза — и прямо обомлѣлъ.

У окна, освѣщенная луннымъ свѣтомъ, стояла, согнувшись, какая-то фигура, какъ мнѣ показалось, въ солдатской шинели, накинутой на плечи. Я уже было хотѣлъ окликнуть непрошеннаго гостя, но, всмотрѣвшись въ страннаго посѣтителя, я почувствовалъ, что онъ *не-жи-вой*.

Я быстро взялъ себя въ руки и чиркнулъ спичкой. Но едва только вспыхнулъ огонекъ, какъ таинственная фигура исчезла.

Когда погасла спичка, у окна опять появилось странное видѣніе.

Я до того былъ ошеломленъ, что даже не испытывалъ страха.

Фигура не шевелилась.

При первой моей попыткѣ встать, призракъ началъ какъ-то стушевываться и быстро исчезъ. Я зажегъ свѣчку и выпилъ воды.

Дикій сонъ! — рѣшилъ я, стараясь какъ нибудь удобнѣе уложить ноющую ногу.

Вдругъ дикіе, неестественные крики послышались изъ сосѣдней комнаты, гдѣ помѣщался лакей управляющаго. Позабывъ свою боль, я скатился съ кровати и бросился на крики.

Посреди комнаты стояла складная кровать лакея Станислава, который въ этотъ моментъ бился на ней, какъ будто стараясь отъ кого то, избавиться.

На шумъ изъ другой двери вбѣжалъ управляющій съ лампой въ одной рукѣ и револьверомъ въ другой.

— Что здѣсь такое?! — закричалъ онъ.

Станиславъ вскочилъ съ кровати и тупо смотрѣлъ на своего барина. Затѣмъ его стеклянный взоръ скользнулъ по мнѣ.

Онъ снова дико вскрикнулъ и сдѣлавши нѣсколько шаговъ, повалился къ моимъ ногамъ.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!. . . — кричалъ онъ истеричнымъ голосомъ, протягивая ко мнѣ какой-то платокъ.

— Опомнись, милый! Это я! — успокаивалъ я его. — Тебѣ приснился дурной сонъ.

— Возьмите! Возьмите! — продолжалъ онъ кричать. — А то опять придетъ Снѣжковъ! . . . Это онъ былъ! . . . Возьмите — это его деньги! . . . Я у него изъ подъ подушки укралъ, когда онъ больной лежалъ! . . . и несчастный забился въ истерическомъ припадкѣ . . .

— Вотъ вамъ и разсказъ! — закончилъ свое повѣствованіе капитанъ Рябцовъ, раскуривая потухшую трубку . . .

В. Ласкинъ.

Муравьи.

Миніатюра.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ на ночлегѣ въ лѣсу остановился странникъ. Онъ разложилъ костеръ, досталъ изъ котомки дорожный котелокъ и занялся приготовленіемъ ужина. Но вскорѣ странникъ замѣтилъ заинтересовавшую его картину. Оказалось, что онъ невольно потревожилъ муравьевъ. И теперь муравейникъ всполошился, обитатели его торопливо заметались во всѣ стороны.

И вотъ, въ то время, какъ въ котлѣ надъ огнемъ шипѣла и булькала вода, странникъ съ улыбкой наблюдалъ суетливыхъ насѣкомыхъ. Они были такъ малы; онъ — такой большой въ сравненіи съ ними — былъ недоступенъ ихъ взору. Гдѣ-же было охватить великана — человѣка — ихъ маленькимъ глазамъ! Но муравьи не успокаивались: чувствуя его близость, они суетились, искали и не находили врага, а странникъ склонясь надъ ними, тихо смѣялся.

И вдругъ странное ощущеніе пронизало все его существо. Онъ почувствовалъ, что Кто-то сверху наблюдаетъ и за нимъ. И этотъ кто-то неизмѣримо великій — тихо усмѣхается, разсматривая его. Странникъ почувствовалъ это и быстро оглянулся. Но таинственный наблюдатель былъ недоступенъ взору. Тогда онъ затрепеталъ въ страхѣ, торопливо собралъ свою котомку, кое-какъ залилъ и разметалъ костеръ и быстро зашагалъ, стараясь держаться подъ навѣсомъ деревъ. Странное ощущеніе не оставляло путника. Но онъ не оглядывался — гдѣ же было охватить его слабымъ человѣческимъ очамъ таинственнаго наблюдателя, неизмѣримо великаго въ сравненіи съ нимъ.

По дорогѣ къ позиціямъ.
Снимокъ фотографа А. Цалита.

Zeļā uz pozīcijam.
Fotografa A. Zahlischa uzņemtums.

Отъ древа познанія.

Отрывокъ изъ автобіографіи латышской писательницы Аспазіи.

Бесѣда съ сердцемъ.

Какъ трудно мнѣ на этотъ разъ взяться за перо! Рука, послушная исполнительница велѣній моего сердца, лежитъ на колѣняхъ и не хочетъ шевельнуться . . . Развѣ перо мое не постоянное орудіе, мой посредникъ, факель, съ помощью котораго я освѣщаю свой внутренній міръ?

Развѣ черный сокъ чернилъ въ жилахъ моей фантазіи не принуждалъ уже меня свѣтиться и загораться, распускаться и увядать, любить и презирать, безумствовать, смѣяться и выплакаться вдоволь?

Особенно выплакаться.

Какъ хорошо проливать на бумагѣ эти ритмическія и стилистическія слезы!

А главное, ты самъ не долженъ проливать эти слезы. Ихъ можетъ проливать какой нибудь поэтическій герой или героиня, которымъ публика сочувствуетъ.

А ты, писатель, можешь спрятаться въ какой-нибудь закоулокъ, подобно летучей мыши, которая день проводитъ подъ крышей, — и что ты тогда дѣлаешь, это твое дѣло. Превратившись въ куколку, завернувшись въ безчисленные покровы ты можешь плакать тогда горькими, тяжелыми каплями, лишенными красоты, поэзіи и ритмической граціи.

Понятно, что такія слезы никому не могутъ нравиться. Но онѣ не спрашиваютъ, нравится это или нѣтъ, и текутъ сами. Я не могу ни совладать съ ними, ни стилизовать ихъ.

Мнѣ кажется, что какая то частица, отдѣленная отъ меня, плачетъ гдѣ-то вблизи.

Я ее уговариваю самыми сердечными, лестными словами, какія я только знаю, но она не слушаетъ меня и плачетъ.

О, это вѣдь ты, тайная плакальщица — мое сердце.!

Какъ только я коснусь пера, мнѣ кажется, что его острымъ концомъ я пробиваю отверстіе на днѣ старой, покрывшейся плѣсенью лодки, и вода, сѣрая и мутная, медленно просачивается въ нее, капля за каплей, какъ-бы желая утащить лодку на дно.

Освободись отъ этой тяжести, мое сердце! Смѣясь, выливай сѣрую, грязную воду, которая тянетъ тебя внизъ, и ты станешь легкимъ, легкимъ. Ты распустишь свои бѣлые паруса и бросишь легкія трели жаворонка въ дальній путь, въ тѣ страны, которыя тебѣ снились.

Но ты опять плачешь, мое сердце?

Ты чувствуешь, что, отдѣляя отъ себя всю свою тяжесть и боль, ты вмѣстѣ съ этимъ

отдѣляешь частицу своего живого «я», и ты даже еще не знаешь, какъ велика эта частица.

Моя бѣдная, бѣло-парусная лодочка, слишкомъ крѣпко примерзли твои крылья къ былому. Какъ липкія нити паутины, тебя обвили, презрѣніе и любовь и крѣпко держатъ тебя.

О — ты любовь!

Избранныя дѣти солнца могутъ много любить и могутъ быть любимы. Жизнь ведетъ ихъ, какъ по ступенямъ, вверхъ. Ихъ называютъ совершенными — художниками жизни.

Совсѣмъ иначе съ тѣми, которыя жили въ тѣни. Они должны пробиться, проплакаться черезъ жизнь, какъ капли чрезъ камень.

Безпомощными и хилыми, какъ молодой дубовый листъ, должны прорѣзаться они сквозь толстую кору, если желаютъ увидѣть весну.

Какая-то давняя, грустная, дѣтская пѣсенка звенитъ въ ушахъ:

Злые люди, недобрый день
Толкали меня въ долинушку,
Взялъ Боженька за ручку,
Повелъ меня въ горенку.

Но это было давнымъ давно! Тогда и Боженька былъ другимъ. Онъ былъ бѣдный — бѣднехонькій, въ заплатанномъ облачномъ сюртучкѣ, и его кліенты были такіе же бѣдняки и горемыки, какъ прудовой пролетаріатъ — пискари.

Но теперь Богъ его великъ и богатъ, и Его глазъ видитъ тѣхъ, которые дерзали быть Ему подобными.

Нѣтъ, теперь мы знаемъ, кого Богъ ведетъ въ гору, кого нѣтъ.

Но если ты, отверженный Богомъ, все же самъ хочешь пробраться въ гору? И если ты даже забрался на гору, черезъ терни и осколки камней, грязный и покрытый ранами, изъ которыхъ сочится кровь?

Если ты достигъ, наконецъ, высоты, съ которой ты можешь видѣть ту долину и препятствія, которыя ты долженъ былъ преодолѣть, чувствуешь ли ты — будь откровеннымъ — чувствуешь ли ты тогда радость?

Опять ты плачешь, мое сердце, вмѣсто отвѣта! Всегда ты избѣгаешь меня, какъ будто мы чужды другъ другу и раздѣльны. Я говорю съ тобою, какъ верхушка съ корнемъ, который никогда не видѣлъ свѣта и ничего не можетъ о немъ разсказать. Ты не видѣло свѣта, а меня ломала буря. Видишь, мы, вѣдь, можемъ понять другъ друга, мы одно существо, одно дерево.

Мы знаемъ, что тотъ, кто претерпѣлъ всѣ ночные ужасы, стоитъ, покрытый потомъ и дрожитъ отъ холода, и не можетъ согрѣться на утреннемъ солнцѣ.

Радость, сладкозвучное слово! Какъ она растетъ, ширится и развивается! Какъ она звучитъ! Арфочка въ комнатѣ, игрушечка въ амбарѣ, свирѣлька во полѣ! Нѣтъ болѣе такой радости, нѣтъ.

Она осталась тамъ, внизу.

Игрушечки и свирѣльки выпали изъ рукъ, но я держу другое орудіе, которое мнѣ то же самое, что ученому кристаллъ и колдуну волшебный камень.

Это орудіе — познаніе.

Его магическіе лучи проникаютъ во тьму былого, завѣса будущаго раздвигается передъ нимъ и показываетъ сущность вещей. Оно освѣщаетъ и то, что ты, сердце, называешь радостью и о чемъ горюешь.

Какъ велика была та радость, что нужно тосковать по ней? Какъ великъ былъ тотъ ломтикъ, который тебѣ, мое сердце — лакомка, дало скупое Счастье?

Уже, навѣрно, его ломтикъ, не былъ больше того ломтика пшеннаго хлѣба съ медомъ, который хозяйка даетъ пастушку въ Ивановъ день.

Пастухъ не успѣлъ еще взять хлѣбъ въ руки, какъ медъ уже стекаетъ по пальцамъ, пачкаетъ рукава, и хлѣбъ болѣе вѣской стороной падаетъ на землю.

Развѣ объ этомъ стоитъ жалѣть?

Пусть валится изъ рукъ! Пусть стекаетъ и медъ, и воспоминаніе о немъ!

Можетъ быть, и воспоминаніе о немъ не умѣстно? Наслажденіе было только возможностью наслажденія, и медъ чувствуется на языкѣ только въ медовое время жизни.

Вѣдь есть такой періодъ въ жизни, когда можно сказать, что даже поверхность воды цвѣтетъ странными пузырьками и что на камнѣ мохъ находитъ себѣ пріятную влагу, чтобы зеленѣть.

Тѣло тогда, какъ бѣлый клеверъ, переполнено своимъ собственнымъ сокомъ, котораго всего нельзя израсходовать на развитіе клѣтокъ.

Избытокъ силъ выражается тогда въ различныхъ безумныхъ прыжкахъ и легкомысленныхъ кувырканьяхъ.

Намъ тогда кажется, что все, что происходитъ только въ насъ самихъ, происходитъ внѣ насъ, въ самой жизни.

Къ такимъ глупцамъ принадлежало и ты, мое сердце, и держало меня въ своей власти.

Но я вырвалась изъ этой власти.

Вѣтренность меня ужене кружитъ и легкомыслiе не смѣетъ меня больше бросать то вверхъ, то внизъ.

Все тихо вокругъ меня.

Такъ тихо, что я слышу, какъ проходитъ мимо все то, что было и прошло и воплотилось въ образы.

Я слышу даже самое время.

«Тихо вокругъ тебя,» — говоришь ты себѣ, но это не тишина мечтателя.

Все то, что было и прошло и воплотилось въ образы, ты пропускаешь мимо себя, но у тебя нѣтъ улыбки смиренныхъ и пощады милосердныхъ. У тебя нѣтъ языка мудрецовъ.

Ты не прикрываешь своими глазами того, что было, и не гладишь своими руками того, что прошло.

Пройдетъ время мимо тебя и найдетъ, что ты, его наблюдательница, сама еще не созрѣла и не пріобрѣла покоя.

Да, мое сердце, я признаюсь, у меня нѣтъ улыбки смиренныхъ и пощады милосердныхъ!

У меня нѣтъ ни тишины мечтателя, ни зрѣлости времени. Что было — еще не прошло, и что болѣло, — еще болитъ.

У меня нѣтъ языка мудрецовъ, но у меня есть языкъ истины.

Пусть онъ разсказываетъ о томъ, что было и что болѣло.

Я не умѣю такъ говорить, какъ говорилъ Заратустра.

Я буду говорить такъ, какъ ты, говоришь, мое сердце.

Перевела Тэкла Фрейнбергъ.

Латышскія народныя четверостишія.

1.

Пойте, дѣвы, вечеромъ,
Вечерами даль звучнѣе,
Вечерами даль звучнѣе,
Пѣсню слышно издалече.

2.

Не отъ радости пою,
Не отъ радости ликую, —
Пѣсней грудь мою творю,
Въ пѣснѣ время коротаю.

3.

Тотъ, кто пѣсенъ не пѣвалъ,
И работы не знавалъ;
А работникъ кто лихой —
Запоетъ, что соловей.

4.

Какъ зальется соловей
Въ темныхъ ивахъ надъ рѣкой —
Уроню стаканъ съ виномъ
Я отъ пѣсни той лихой.

5.

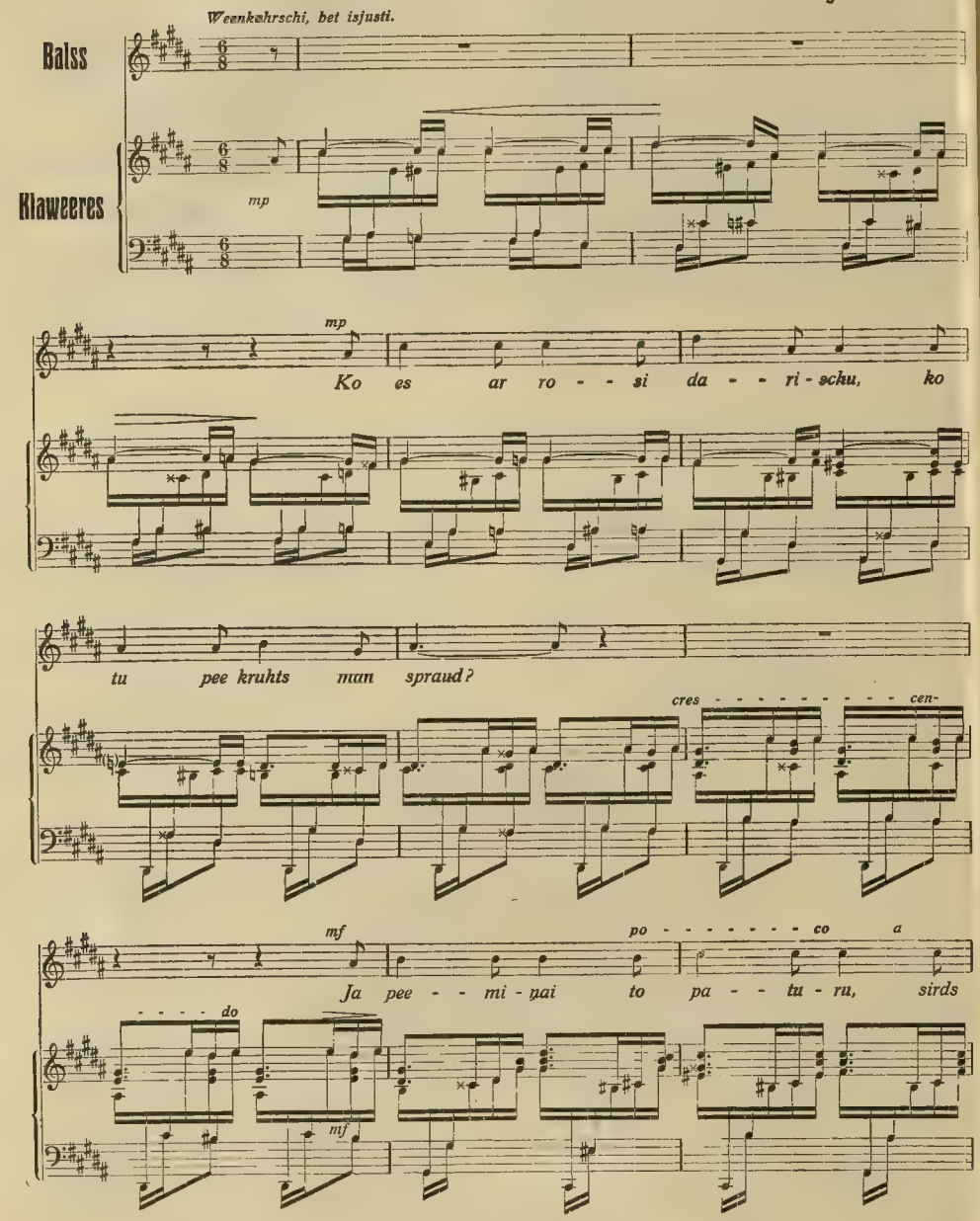
Вздумали меня затмить
Пѣсней звонкою чужiе, —
А меня то конь понесъ,
Крытый пѣсенной попоной.

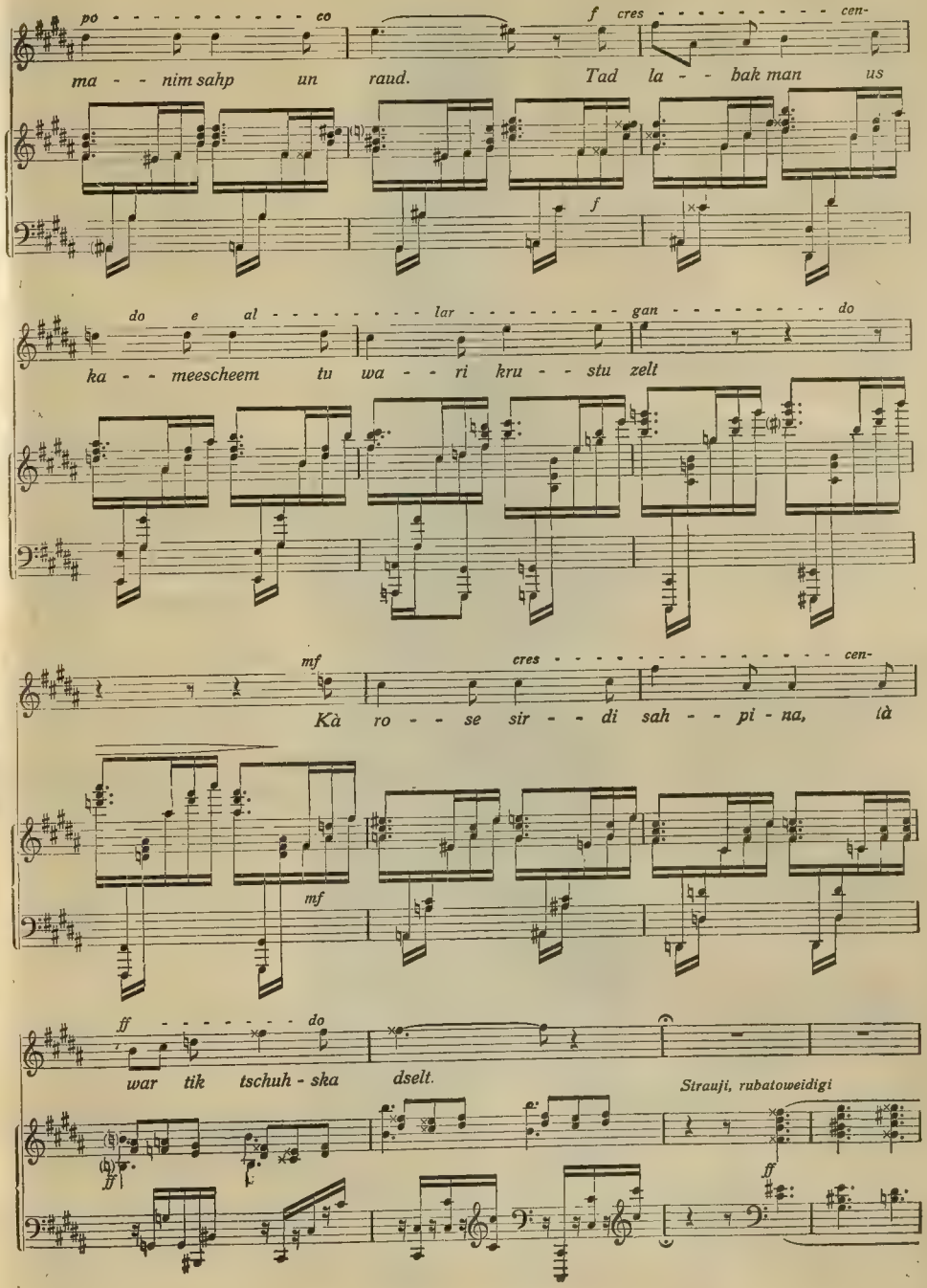
Пер. В. Эг.

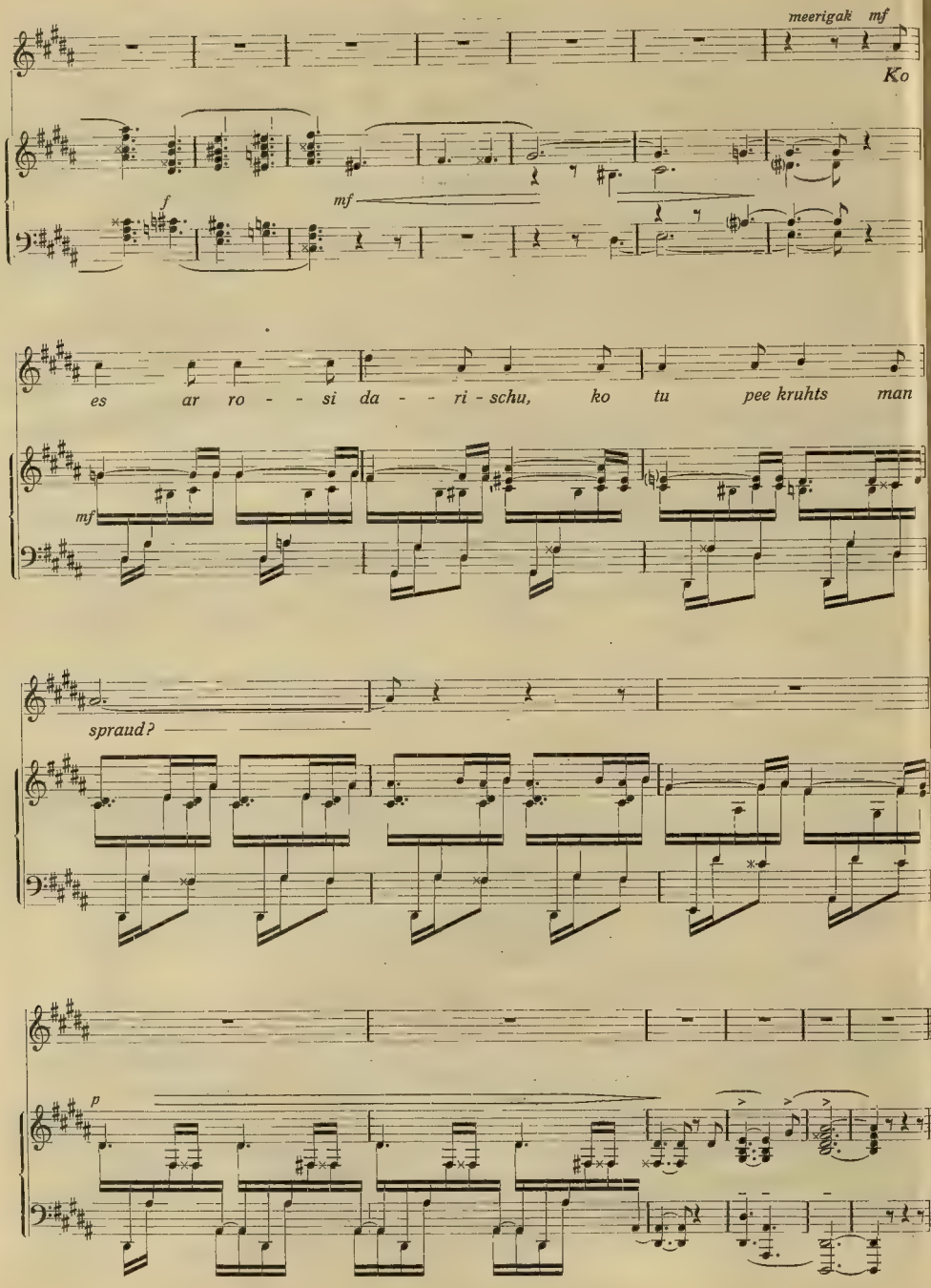
Ko es ar rosi darischu?

J. Poruka.

J. Sahlits.




po - - - - - - - - - - co
f cres - - - - - - - - - - cen-
ma - - nim sahp un raud. Tad la - - bak man us
f
do e al - - - - - - - - - lar - - - - - - - - - gan - - - - - - - - - do
ka - - meescheem tu wa - - ri kru - - stu zelt
mf
cres - - - - - - - - - - - - - - - cen-
Kà ro - - se sir - - di sah - - pi - na, tà
mf
ff - - - - - - - - do
war tik tschuh - ska dselt.
Strauji, rubatoweidigi
ff
ff


meerigak mf
Ko
f
mf
es ar ro - - si da - - ri - schu, ko tu pee kruhts man
mf
spraud?
p

Дворцовый гренадеръ — художника Р. Тильберга.
Pils grenadeers — mahkslineeka R. Tillberga.

Храмъ природы — художника Х. Цеплита.
Dabas swehtniza — mahkslineeka K. Zeplischa.

Iwandes Kaijas

Mahsa Liwija.

„Karsch!" atskaneja no tuhkstoschàm un atkal tuhkstoschàm luhpam wisadàs mehlès. Naids, kà werdoscha wulkana lawa ar postoschu, melnu schausmainu swelmi brahsàs pahr pasauli, it kà noslahpedams katru mihlestibas maigako leesmiņu zilweku sirdìs.

Tautu wihri, bruņojuschees ar uguni un asu, aukstu dselsi, klusedami dewàs bareem slehgtàs rindàs us tehwusemes robescham. Naids pret naidneeku wiņeem audseja spahrnus — arween tahļak un tahļak ais wiņeem palika klusà sehta, tuwee, dahrgee asinsradi.

Tautu seewas pirmâ brihdì kà sastinguschas palika pee pawarda stahwam. Pawarda uguns lehni dsisa . . . tapa salti. Behrneem peetruhka siltuma, baribas, apģehrba. Mahtes, seewas pahrņehma smagas, pelekas schausmas. Tàs isteizas gaŗâs, klusâs waimanâs. Ismisums sagrahba dselschainàm rokam jaunawas, ismisums par nelaikâ pahrrautu dsihwes pawedeenu — mihļakeem kaŗâ aisejot. Klusôs kambarôs wehlós wakarôs atskaneja apspeestas raudas un luhgschanas. Kà apjuskuschi mahjâ palikuschee wehràs weens otrâ. Kas buhs, kas nebuhs ? . . .

Tad nahza siņas par tehwusemes pirmeem asiņaineem upureem. Sakustejàs sastinguschàs seewas. Saplositàs jaunawu sirdis atdsihwojàs un wehràs kà plaukstoschi seedi, pahrņemtas dsiļàm, plaschàm juhtam.

Muhsu mihļee! muhsu wihri, brahļi! . . . turp — pee wiņeem! wiņu sahpes weldset, wiņu bruhzes saseet, wiņu sweedrus noslauzit, — ta bij weenigà wehleschanàs, kas pahrņehma katru tehwusemes seeweeti. Nebij preeksch seeweetes wairs zehlaka usdewuma, kà buht ap zeetuscheem kaŗa wihreem, kopt wiņus, strahdat preeksch wiņeem, nesinot meega, nesinot atpuhtas. Daudsas istureja likumigi prasito pahrbaudijumu un dewàs projam no meerigajàm mahjam. Bet daudsàm nebij lemts schis gods.

Liwija peedereja pee laimigajàm. Wiņai abi brahļi bij aisgahjuschi kaŗâ. Teem sekojis bij wiņas Jahnis. Tik wiņa pati wehl mita scheit

dsimtenê, wiņas sirds un dwehsele bij aisgahjusi lihds wiņas mihļajeem, tur — us robescham.

Scheit mahjâs apklususchi bij wisi preeki, isdsisusi jaunibas lihgsme. Parastajâ darbâ dsihwe Liwijai bij kļuwusi nepanesama, kad wiss wiņas gars bij saistits tahļumâ, schausmâs un sahpês.

Jahnis diwreis atrakstija, wiņai likàs — kà no wiņpasaules. Tad peenahza siņa, ka kritis wezakais brahlis, un tad bes wehsts pasudis jaunakais.

Ar prœku Liwija apsweiza to deenu, kad wiņa wareja dotees projam us kaŗa lauka lasareti us to pusi, kur bij aisgahjis Jahnis. No wiņa arî sen wairs nebij siņu, un wiņa ari to peeskaitija pee miruscheem. Un wiņai paschai wairs bij tikai weena wehleschanàs — nolikt sawu galwu wiņeem mihļajeem, lihdsàs us upura lauka.

Nonahkusi sawâ darba weetâ, norahditajâ lasaretê, Liwija sajuta tahdu kà apmeerinajumu. Wiņai schķita, ka starp wiseem scheem zeetejeem, eewainoteem kaŗeiwjeem, ta bij atkal atradusi dsimteni un sawu leelo mihlestibu.

„Mahsiņ, mihļà mahsiņ, palihdsi man peezeltees!“ — sauza hahds slimneeks.

Liwija ahtri apgreesàs pret sauzeju, sneedsa, saldatiņam roku, un wiņa galwu maigi balstidama, lihdseja tam peezeltees sehdus.

„Mahsa Liwija, man salti, apseds mani!“, zits luhdsàs.

„Mahsiņ, dod sahles, galwa sahp!“ tà treschs.

„Pagaidi, draudsiņ, es tuhliņ beigschu beedra wehstuli us dsimteni seewai.“

A, schi wehstule! To Liwijai dikteja kahds kaŗa wihrs, saslimis eerakumos ar nahwigeem pakauscha krampjeem. Riht, pariht wiņa wairs nebuhs . . . bet wiņsch pats to wehl nenojausch.

„Neraksteet tik wiņai, seewai, neko breesmigu“, — wiņsch luhds zaur sakosteem sobeem, — „mana slimiba nekas — pahrees . . . neesmu tatschu eewainots.“

Liwijai asaras saskrehja azîs, raugotees slimneeka nahwes apehnotajâ sejâ, kuŗu krampji jau bij pahrwehrtuschi par masku. Drihs eestahsees pehdejais sahpju pilnais prozess, kas salausìs scho stipro stahwu, bet — apsiņa nesudîs, lihds sirds beigs sawu darbibu . . .

Liwija mahzijàs pasiht jaunu laimi — redset, ka wiņa dara labu tik daudseem zeetejeem. Wiņu pateizigee skati glahstija wiņas dwehseli; slimneeku smaidos wiņai atspihdeja jauna saule, un wiņa sajuta wehleschanos, arween wairak un wairak darit preeksch wiņeem. Ari wiņu mihleja wisi schee sahpju behrni, to wiņa sinaja neschaubami. Ja, ka tee wispahr wareja nihst, to wiņa newareja tizet. Un tomehr — naids tatschu bij dsinis wiņus ar ugunim pret uguni. Jeb kas tas bij? waj ta tik bij karstakà mihlestiba pâr tehwiju, kas bij breesmâs?

Scheit wiņi bij wisi tik klusi, kà masi rahtni behrni, tik mihļi weens pret otru, kà meesigi brahļi. Un wiņu paschu, Liwiju, tee mihleja kà mahsu — to wiņai waj ikkatrs apleezinaja mirdsoschàm azim.

Tatschu! Kahdâ nodaļâ nupat bij eeweetoti sawaņģoti eewainotee. Tee jau bij pahrseeti, apkopti. Druhmi tee guleja katrs sawâ gultâ un neweenu wahrdu nebilda. It kà kaŗa troksnis teem buhtu laupijis walodu. Tikai kad wiņeem atnesa siltu ehdeenu, tee nemeerigi sakustejàs, tad raudsijàs prom sahnis.

„Mahsa!“ kahds waņģineeks pawehloschi sauza sweschâ walodâ.

Liwija pagreesàs un kà nesapratâ usskatija neparasto usrunu un nekustejàs no weetas.

„Mahsa, mahsa!“ atkal nepazeetigi un wehl skarbak atskaneja sauzeens: „Karoti!“

Aschi Liwija atnesa aismirsto karoti un kà aisbildinadamàs eelika koka karoti skahrda supas bļodiņâ.

„Es neesmu nekahds zuhka, ka ehdischu ar tahdu karoti!“ wahzeets paķehris karoti, sweeda to pret mahsu.

Karote atduhràs us kruhtim, notaschķidama balto preekschautu un sarkano krustu us ta.

„Man zitas naw“ Liwija atteiza kreewiski, pazehla karoti, noslauzija un nolika to us galdiņa lihdsàs schķihwim,

Ar niknu, swehrojoschu skatu eewainotais raudsijàs Liwijâ. Wiņai palika bail. Nekad ta nebij redsejusi tikdauds naida weenâ skateenâ. Wiņa nowehrsàs. Wehlak wiņa dsirdeja par scho waschu eewainoto guhstekni stahstam, ka tas, no kaujas laukâ aisnests us pirmo pahrseenamo weetu, usbruzis ar eerozi ahrstam, pehz tam, kad tas wiņa bruhzes bij pahrsehjis.

Kahdu deenu no pehdejàm leelajàm kaujam lasaretê eenesa atkal daschus gruhti eewainotos. Weenâ no wiņeem Liwija pasina Jahni.

Ar preeku un bailem Liwija raudsijàs wiņa nowahrguschajâ sejâ, kuŗa drihsak lihdsinajàs ehnu walsts garam, neka dsihwam zilwekam.

Wiņsch kaujâ bij eewainots weenâ rokâ un gluschi satreekta weena kahja; ta jau kahdâ preekschejâ lasaretê bij noņemta wirspus zeļkaula, un wiņas weetâ bij tikai balteem pahrsehjumeem un wati aptihts strups stumburs. Roka kaŗajàs kaklâ.

Liwija sajuta sewî mainamees preeku ar baiļu ismisumu. Wiņa dsihwiba bij kà swezes leesmiņa, kas plihwoja wehjâ laukâ, ta katru brihdi wareja isdsist. Tad slimneekam palika labak, bruhzes rokâ ahtri sadsija, tàs nebij leelas. Ari kahja

dsija lehnam, bet droschi. Pee labàs, ruhpigàs apkopschanas jaunee dsihwibas spehki sahka atgreestees, saudeto asiņu weetâ pamasam radàs jaunas. Bailem nu wairs nebij weetas — eewainotais nu bij ahrpus dsihwibas breesmam. Un ahrsts teiza, ka Jahnis wareschot labi staigat ar koka kahju.

Liwija laimê starodama raudsijàs slimneekâ. Bet wiņsch pats wehl bij kluss un skumjsch. Dsihwes preeku wiņsch likàs saudejis us wiseem laikeem.

„Kroplis!" wiņsch kahdu deenu aissmakuschâ, dreboschâ balsî isgruhda, kad Liwija pahr wiņu pahrleekusees, sakahrtoja wiņa gultâ segu, saudsoschi, lai neaisskahrtu slimo kahju.

Liwija eeskatijàs wiņa azîs un saprata to, kas guleja wiņa dwehseles dsiļumâ apslehpts.

„Preeksch manis tu esi tikpat mihļsch kà agrak, ne — wehl wairak, wehl dauds wairak", Liwija strauji apgalwoja wiņa roku speesdama un wiņa azîs raudsidamàs ar dsiļu sirsnibu.

Wiņa nemeloja, to wiņsch redseja un juta ar wisu sawu buhtni. Wiņsch jau ar gan pats to reisam bij sajutis, ka wiņa mihl wiņu ari tahdu, tik wiņsch nedrihksteja tam tizet. Tagad wiņsch wairs neschaubijas. Wiņsch pasmaidija pirmo reis preekâ.

„Mehs tew israudsisim peemehrotu darba lauku. Naw truhkums tahdu darbu, kur newajag abu kahju" Liwija peebilda.

Wiņsch atkal pasmaidija. Tas tas masakais, par to jau wiņsch pats bij pahrdomajis, ja tik wiņa . . .

Jahnis atspirga azim redsot. Liwija bij pawisam laimiga. Zik sawadi! Kad Jahnis jau bij tiktahļ, ka wareja peezeltees un us koka kruķeem balstidamees staigat, tad Liwija ar neapslehptu lepnumu skatijàs us sawu sirdsdraugu. Wiņa gaudenumâ ta raudsijàs kà us kahdu gloriju, kas apstaroja wisu wiņa buhtni. Wiņai likàs, ka wisi zilweki buhtu pahrwehrtejami, un — ka tahdu saļoksneju ar diwàm rokam un diwàm weselàm kahjam — tahdu wiņa tagad nemas wairs newaretu mihlet. Mihļsch kà agrak, un wehl dauds zeenijamaks wiņsch tai bij tagad — wiņas waronis.

J. Akuratera

Asiņu deja.

Ejot dsihwibas lejâs — skumjas ko kraht!
Seme kà sapņu sejs skaists;
Esi tu mirkļam wisoscham lidojot klaht
Putnis, kas debeschos laists.

Daili un saldumu besgala isdweschot
Seewas kà puķu lauks seed, —
Projam no sirds sawas smejot un leesmojot
Deewus un tikumus sweed.

Ausmâ, waj deenâ, waj pusnakschu baigumâ
Muhscham isslahpis ej,
Swaigschņu mistrî un seedu bahlmaigumâ
Waiņagots dsihwo un smej.

Asiņu balss kad no sarkanàm luhpam kleeds
Sini: tas semes spehks.
Roku pehz preeka bikera wisoschà sneeds, —
Kopâ tur daile un grehks.

Brihws tà kad buhsi, atsiņa roku tew sneegs,
Gaischs buhs kà saule tew waigs;
Preekâ kuhsoschs buhsi, sehrâs padewigs, leegs,
Mihlâ swehtits un maigs.

A. S. Puschkina

Praweetis.

Aiz pateesibas slahpem slims
Es klihdu, dauds kur teku wijàs,
Un sescheem spahrneem serafims
Uz krustzelem man parahdijàs.
Man wiss kà sapnî eetihts teek,
Kad wiņsch pee azim pirkstus leek:
Un eededsàs man azis leesmâs
Kà isbeedetam ehrglim breesmâs.
Man wiņsch pee ausim peeskahràs —
Un tahlas skaņas sadsird tàs:
Es gaisa weeglos wiļņus manu,
Un garu spahrnus augstumôs,
Un dsihwi juhras dsiļumôs,
Un sahles lehno isaugschanu.
No mutes ahrâ rahwa tas
Man mehli, domas grehzigàs

Nekad kas isteikt neapnika.
Un sastinguschâ mutê nu
Man tschuhskas gudro dselonu
Ar asiņainu roku lika.
Man kruhtis puschu pahrschķehlis,
Wiņsch wahjo sirdi laukâ ņehma,
Un karstu ogli eelizis,
Tai gaischi degt un leesmot lehma.
Kà lihķim bij nu gulet man,
Lihds Deewa sauzeens neatskan:
«Ak zelees, praweet, redsi, dsirdi,
Pa juhram, semem apkahrt ej,
Ar wahrdu dedsini ik sirdi
Un gara kwehli kruhtîs lej!»

Tulk. Karlis Kruhsa.

J. Akuratera

Sehrâs.

Sehrâs ja smejoscho waigu
Bahlu tu plihwurî tin,
Mirkli tad deewibas maigu
Dwehsele klusibâ swin.

Sehras tew kristalruhts, tahlu
Skaidriba dsihwei kur irds.
Zaŭri zaur miglautu bahlu
Swaigsnaji smaida un mirds.

O. Krolla.

„Dseedadami, spehledami . . .“

Auksts wehjsch puhta no seemeļeem, raustija, saldatu pelekos mehteļus, dsina sneegu sejâ un aplipinaja pelekos stahwus baltàm kristala swaigsnitem.

Sals.

Daschi saldati sarunajàs, pulziņâ stahwedami, ziti lausàs, lai buhtu silti, bet wehl ziti kluseja un druhmi raudsijàs kaut kur, tahlê.

Retumis atskaneja weens otrs dobjsch schahweens. Ta bij parasta leeta. Tas saldatus neustrauza. Schahdu stahwokli parasti mehdsa apsihmet: „Preekschejâs posizijâs gandrihs pilnigs klusums . . .“ Pulkâ bij wairaki latweeschi, kas wisai turejâs kopâ. Preekschneeki wiņus labpraht eeredseja: wiņi bij braschi un inteliģenti saldati, us kuŗeem wareja paļautees.

Starp scheem nedaudseem latweescheem bij weens, kas sawas jautràs dabas dehļ bij no beedreem ļoti eemihļots. Un luhk, ari schoreis, kad daba draudeja sastindsinat lozekļus un prahtus, tas ar neleekuļotu schirgtumu ussauza tauteescheem: „Kà buhtu brahļi, ja usdseedatum kahdu tautas dseesmu! Ta leeta ees, ko?“

Nemahksloti, bet braschi pluhda pahr sneegoteem klajumeem: „Dseedadami, spehledami no kaŗiņa mahjâs nahks!“ —

Zittauteeschi eelenza dzeedatajus un kad dseesma bij beigusès, daschi dseedatajeem speeda rokas.

„Nudee“, teiza kahds spehziga auguma kreews, „nudee brahļi! Nekad juhs neaismirsischu. Un ja man buhs lemts miht manas dsimtenes taku, teikschu wiseem, zik sirsniga un brascha ir muhsu brahļu tauta. Paldees jums no wisas sirds: paldees!“

Jautriba bij eegreesusès wisu sirdîs. Wisi smehjàs un jutàs schaîs sneegu segtôs grahwjôs un klajumôs kà brahļi, kà weenas leelas zihņas beedri.

Bet — ais waļņeem gluhneja ņahwe . . . Waj dseedataji sinaja, kas no teem mahjâ nahks?

Wiktors Eglits

Waroņzeļsch.

Es skaidro debesi un laukus, selta druwas
Un silto behrnibu un pirmo mihlestibu
Ar sawu prahtu esmu samalis, un tuwas
Man tagad slahpes; satumst wiss, ko gribu.

Bet atsiht augstakais man likàs, nekà radit,
Pirms n'esi atsinis un issmalzinaj's prahtus,
Lai tad kà mahkslineeks reis spehtu sewi wadit
Un apjaust horizontus, tautam waļâ klahtus.

Un kaut es tihreli wisapkahrt sewim justu,
Kur aug tik saļais wirsis, kaŗpehdas un suhna.
Schis zeļsch wehl naw man palizees par gruhtu
Un galwai patikusees saldo sapņu duhna.

Es sinu, patihkamak buhtu jums, ja sahlê
Kà mihkstâ samtâ juhs es awotmalâ sauktu,
Kur apkahrt lapas seed, kur azis silâ tahlê
Bes ruhpem malditos, bet lihdsâs dahbols plauktu.

Jo siltâ pehzpusdeenâ Jums te sapņot ļautu
Un dsirdet palejâ, kà uhbeļpahrits duhdo,
Bet leepâs schube dseed, ais leepam meitscha pļautu,
Zaur lapam parahdot jums seju seltainruhdo.

Bet ir wehl patikschana, kas tik reteem dota,
Kas eemantot it wisu, wisu saprast tihko,
Kam zihņâs aiseet muhschs, kas sewi apskaidrotu
Grib justees tikai tad, kad pehd'jàs zisas rihko.

Kam dsihwes noslehpumôs tihkas eekschâ speestees
Un just, ko wihri juht, kas eekaŗoj'schi wisu,
Ko daiļàs seewas jausch, kam wajadsejis zeestees
Un tautu likteņus, dehļ kuŗeem issamisu.

Jo sinu — debess man un meschs ar selta druwu
Un manu behrnu preeks un wiņu mihlestiba
Nekur man neisbehgs, tee tuwak man par tuwu
Un eekschâ dwehs'lê bruhk, lihds sewim atļaut gribu.

Wiktora Eglischa.

Kaŗsch.

Kam sirds jau dauds ir iszeetuse,
Kas simtâs wehtrâs eekschâ rauts,
To meers, kà nahwes sahles klusu
Us meegu un us sapņeem sauz.

Un zeriba tam tikai weena,
Lai atdsihwotos prahts un gars:
Wehl breesmigaka moka deena —
Kahds negaiss, nahwe, tautu kars.

Un lihds ko dsird tas schausmo siņu,
Sirds dsihwi tam un jautri sit;
Kad jauna wehtra sagrahbj wiņa,
No preeka wiņam as'ras rit.

Wiktora Eglitscha.

Mihlestiba.

Es atkal weens, ap mani rudeņmigla,
Un sehree lauki, wehsàs lahses kriht;
Sirds peenahkumâ silst, bet dsihwe schiglà
Wairs newiļ; kruhtîs sehras miht.

Un tomehr roka newiļus pehz spalwas
Man ahtri twer un dwehsle dseedat grib
Par tehleem saldajeem, kas neiseet is galwas,
Bet mihļas atmiņas kà senà dsihwe sib.

Ta esi tu, ak mihlestiba daiļà,
Dehļ kuŗas Deews man lehmis muhscham zeest;
Te sehrâ nemeerâ, te ustraukumâ baiļâ,
Te satikschanàs laimê spehj tu sweest.

Tu galwenà, kas manâ dwehs'lê wijees
Un mainijees ar leelo dabu lihds,
Te biji pawasars, te kwehlot ismainijees
Par skumjo rudeni, kam sneedziņsch meeru dihds.

Nahks atkal pawasars, sirds wehso sneegu kausès,
Un meesa maiga kļuhs un azîs debess smees,
Un satwers atkal kahda manas rokas sausàs,
Un saistîs tàs un sees, lihds leesmâs bojâ ees.

Pawila Rosischa

Labirintâ.

(Is grahmatas „Sobens un Lilija".)

Man malditees no tewis laukâ neisejot,
Pa taweem dobjeem gaņģeem pascham gaitu lemt;
No tewis ruhgto atsihschanas augli ņemt
Un wisu isbaudit — to sewî pahrkausejot.

Kà mirgo tawas marmora un bronsas seenas,
Skats schilbdams wiņu krahsu mirgu sewî twer,
Sirds kahri tawu skurbinoscho elpu dser
Un aisween dsiļak tawas mihlas glahstôs seenas.

Es skuhpstu tawas sahrtàs, ugunigàs azis,
Kà reiboni kriht galwa tawâ marmorklehpî,
Pee tawàm bronsas luhpam luhpas kahri plok —

Es sawu sirdi tawās mihlas glahstôs razıs!
Taws metaldaiļums manâ sirdî nesaplok —
Ļauj galwu muhscham turet tawâ marmorklehpî.

Mihlestiba un naids.

Muhsu deenu pasaziņa no Skuju Frida.

Naidam bij ihsta trakuļa — wihreescha daba. Wiņam wiss ahtri apnika.

Sewischķi seeweetes.

Nebij weenu wehl paspehjis eeguht, jau ilgojàs pehz otras. Weenu laida, otru ņehma . . .

Pirmà wiņam gadijàs zeļâ Paklausiba.

„Es wehlos tewi eeguht!" sazija Naids.

Un Paklausiba gahja lihds.

Bet nebij wehl ne zik tahļu tikuschi, — sastapa Padewibu.

Naidam wiņa patika labak. Wiņsch aisdsina Paklausibu un ņehma Padewibu.

Otrâ deenâ gadijàs eet gaŗàm Eedomibai. Wiņa nesa krahschņas drehbes, galwu arween tureja stalti pazeltu.

Naids paspehra Padewibu ar kahju un, peesteidsees, satwehra Eedomibu ais rokas.

„Zik tu skaista!“ glaimoja wiņsch. „Nahz, es gribu darit tewi laimigu!“

Tas Eedomibai patika un wiņa nepretojàs . . .

Eedomibu apzeemot atnahza wiņas mahsa Godkahriba. Wiņa mihleja wehl gresnak ģehrbtees un bij gatawa waj ugunî eet, ja tik kahds par to isteiza atsinibu.

Ari wiņa peeķehràs Naida glaimu makschķerei.

Abas mahsas warbuht labu laiku dsihwotu sem weena jumta, ja kahdâ wakarâ starp abàm nenostahtos Greissirdiba.

„Naids peederetu weenigi tew, ja nebuhtu uskuhlusès tawa mahsa,“ tschuksteja wiņa Eedomibai.

„Tu esi muļķe, ka padodees mahsas untumeem! . . . kuhdija wiņu Godkahribu.

Un, kamehr mahsas sahka weena otrai usbrukt ar pahrmetumeem, Greissirdiba jau atradàs Naida apkampeenôs.

Bet Greissirdiba drihs wiņam apnika ar sawu usbahsibu. No wiņas nebij meera ne deenu neds nakti.

Tad Naids saskaitàs.

„Ej projam!“

Asaras birdinadama Greissirdiba aisgahja un wehl eedama redseja, ka Naids apsweizinajàs ar jaunu mihļako — Skaudibu.

Ari pehdejai nebij ilgs muhschs.

Naids lika wiņai darit kalpones darbus, lika puhletees no agra rihta lihds wehlam wakaram.

Skaudiba redseja, ka zitàm seewam tas naw jadara un sahka kurnet.

„Ja, kadehļ man . . .“

Naids to tik bij gaidijis.

„Ej! no kuŗeenes esi nahkusi!“ kleedsa wiņsch, us durwim rahdidams.

Skaudibas weetâ Naidam isdewàs sameklet Ļaunprahtibu, nakts melnàm tschiganeetes azim. Dauds kaislas reibuma stundas wiņa spehja dot — —

Bet, kà par nelaimi, kahdâ deenâ us tschetru semes wehju krustzeļeem Naids eepasinàs ar Trakulibu.

Tahdas seeweetes wiņsch nekad wehl nebij redsejis! Negaiss un weesulis! . . . skuhpsti kà sibeņa kwehle . . . rokas wijàs kà tschuhskas augums . . . baloschmaigi glahsti! . . .

Un ilgi, ilgi Naids kwehloja Trakulibas apkampeenôs. Gruhti bij no wiņeem israutees.

Tak beidsot spehki suda. Nespehzigs Naids saļima . . .

Tad Trakuliba wiņu atstahja.

Pee Naida gultas, raibu seķi adidama, Peetiziba sehdàs un ilgi saguruscho kopa. Bij labi slimneekam, ir wiņa apkopejai.

Bet, tiklihds Naids pee jauna spehka nahza, wiņsch Peetizibai teiza ardeewas un semei pahri soļoja, lai usmekletu Nabadsibu. Tik wiņas klehpi zereja atrast to, kas pee wisàm zitàm truhka.

„Nahz, Nabadsiba!“ sauza Naids — „es tewim sewi wisu dodu! Tik lihdsi atrast manim laimi.“

Un durwis tschihksteja. No pusgruwuschas buhdas, us kruķeem skrandâs dehdejuschàs meesas stutedama, tam bessobaino muti pretim tschamstinaja Nabadsiba . . .

Tad behga Naids pahr kalneem, juhŗam, lihds nonahza pee Netizibas pils.

„Glahb mani!“ sauza wiņsch: „Us wisas pasaules tik tu wehl manim atlikusees, kur meerigs waru sawu galwu likt! . . .“

Pee Netizibas tuhkstots naktis Naids par waldineeku bija. Tak ari sche wiņsch newareja zeest, kopsch sapnî Nahwi bija redsejis un wiņas wehso bahlo waigu skahwis — —

No netizibas pils wiņsch slepus isbehga; ilgi, ilgi mekleja, lihds druhmâ klajâ laukâ Nahwi sastapa.

Pahr sposchu, skaudru iskaptsģelsi pahri leekusees, ta apkahrt sewim pļahwa . : . pļahwa, — ik zirteens, simteem zilwekdsihwes kahwa . . .

Un ahrprahtigâ trakulibâ Naids tai dewàs talkâ.

„Kaŗsch! Kaŗsch!“ wiņsch sauza sawu sisli ziladams, ar Nahwes pļauju taktî lihdsi mahdams, pahr lauku joņodams us wisàm pusem, kà satrakojees weesulis no wehtras meitam braukdams . . .

Bet Nahwe nerimstoschi pļahwa sawu pļauju, jo simteem tuhkstosch zilweku wehl weenmehr besprahtigi soļoja us — kauju . . .

No sajuhsmas kà spahrneem nests, ap Nahwi Naids kà taurenis ap swezes leesmu lidoja; jau rokas issteepa, lai Nahwi sawos kaislos apkampeenôs skautu, te — juta zirteenu un krita, it kà nopļauts steebris kriht . . .

— — — — — — — — — — — — — — —

Kad atmodàs un mirkļus waļâ wehra, pahr sewi diwas rudsupuķu azis eeraudsija. Tàs luhkojàs, kà luhgdamàs, kà glahstidamas, kà debess laimi . . . preeku wehstidamas . . .

Pahrs klusas rokas saudsigi pee sasahpuschàs bruhzes skahràs . . . Baltsihki pirkstiņi tik schirgti sawu gruhto usdewumu weiza . . .

„Kas esi tu?“ Naids isbrihnâ pussehdus zehlàs.

„Es — Mihlestiba,“ kà tahļa musika, kluss atbildejums nahza un rudsupuķu azis smaidija.

„Tu — Mihlestiba!?“ — Naids pusnetizedams, pusê zeredams un preekâ baiļodamees, atjautaja. „Tad teiz jel kadehļ agrak manim zeļâ nenahzi un nerahdiji sawa waiga?“

„Tas tadehļ, ka tu wisu muhschu tik pehz wisa zita dsinees, bet manis neilgojees, nemekleji it nekad!“ . . .

Naids teezàs atbildet. Bet spehki wiņu stahja. Ar klusu sahpju smaidu, azis aiswehris, wiņsch it kà gruhtâ darbâ guris slihga atpakaļ un — Mihlestibas rokâs nomira . . .

A. Sauleets

Tumschâs gaidu-deenâs.

Speesch Semes saltàs kruhtis
Kà peleks pinkains swehrs;
Raud tumschàs loga ruhtis,
Ik koks leez sarus sehrs.

Waj ir kur debess sila,
Waj ir kur Saules waigs?
Waj sapnî sirds tik sila —
Wiss Weļu laiks ween baigs?

Tumschs drehgnums lihst kà lijis . . .
Bet dahrgs ir sirdei stahsts:
Buhs wiss, kà sapnî bijis: —
Sils tahlums, Saules glahsts!

Eischenijas Hirschberg-Pucher

Toreis un tagad.

(Ar autores sewischķu atļauju tulkots schim isdewumam).

Seedonî.

Us wiseem soleem pa diwi ween,
Deg mihlestibas leesmam weenam,
Mums stundas tik gurdeni gaŗam skŗeen,
Ne skaņas no jaunibas deenam.

Tew gribeju rahdit reis, zik preeku mums,
Un mihlestibas laime zik salda.
Nu tawâ balsî skan apnikums,
Smags klusums starp mums walda.

Ais mescha grima saule. Tumst nowakara.
Un sirdî most schaubas gruhtas:
Waj teescham us sola reis mehs sehdejàm tà,
Un mihlestibâ dega mums juhtas?

Rudenî.

Nu nahk schìs smagàs deenas,
Kad sarma matos jau spihd.
Un mihlestiba, jauniba, skaistums
Is mana zeļa prom slihd.

Uu skateens mans janolaisch semi,
Lai nereds, kà azis wehl kwehl,
Un sirds kà deg wehl leesmam,
Sem pelekeem pelneem kà kwehl.

Wairs nedrihkstu roku issteept,
Kur dsihwe seedus schķeesch,
Sweschs muhscham nedrihkst to nojaust,
Kà atsazischanàs man speesch.

Kad dahrsâ rose nowihst,
Wehjsch seedu lapiņas nes
Tai us wisàm debess pusem . . . Kà sapnî
Ta pasuhd is pasaules.

Bet seeweetei — rudenî wihstot,
Ta ilgas wehl nepasaud.
Tà seeweete pahrdsihwo sewi,
Un pate pee sawa kapa raud.

Tulk. Lt.

K. Skalbes

Laiwineeks.

Schuhpojat mani, Daugawas wiļņi,
Gaŗam dsihwes gļotainàm sehklem.
Ak, zik jau reises laiwu es wilzis
Ahrâ no staignàm duhņam un smiltim.
Ak, zik jau reises noreibis wilnis
Aisweda mani apburtâ krastâ
Peetizības miglainâ malâ.
Pasemas debesis, pasemas mahjas,
Pasemas palodas, pasemi greesti.
Sem tàm duhmainàm, pasemàm palodam
Pasemi ļaudis kopj sawu dsihwi.
Ar es mahzijos dsihwot kà wisi,
Lehni apsihkt un apraugt ar tschaulu.
Bet kad sapņos es nemeerigs sweedos
Apkohrt un sneedsos ar reiboschàm rokàm
Seedu, ko deewi iskaisa tumsâ,
Saluhsa tschaula, saluhsa dsihwe.
Atkal es esmu laiwineeks nabags,
Zeļa kas meklè gaŗ miglaino krastu.

A. Baltpurwiņa

Murgs.

Tas notika ļoti pehkschņi . . .

Saulainàs peekalnes nobahla. Esers, lejâ, kļuwa sils kà kobalts. Un debesu pamale samelna kà rudens nakts.

Tas bija tikai azumirklis . . .

Nahkoschâ azumirkli melnà debess lidoja pahr kalnu, pahr eseru, lidoja breesmigi ahtri un silas un sarkanas ugunis schķihda us wisàm pusem un meschi sagruwa un zeemus apņehma leesmas. Un neredsams skrehjejs skrehja eepreeksch un sauza, lai glahbjas, kas war, bet kas wiņa balsi isdsirda, preeksch ta jau bija par wehlu: kahjas wairs neklausija . . .

Kad wiss redsetais bija nosudis un debess sila un kalni saules apspihdeti, dwehsele waizaja Pagahtnes garam, ko tas lai nosihmejot.

Pagahtnes gars iswairijàs dot noteiktu atbildi . . . Warbuht wezaki, wezaku wezaki, waj wezaku wezaku wezaki kaut ko tamlihdsigu peedsihwojuschi, dsirdejuschi, eedomajuschees un kad wiņa sasneegusi lihdsigu wezumu gados, wiņas snaudoschâ apsiņâ atbalsojees senais sentschu asiņu wiļņojums . . .

Tagadnes gars teizàs neka tamlihdsiga nesinot.

Nahkotnes gars, kà arween, klusi smaidija. Isdsirdis par redseto — plezus paraustija.

Un tad sahkàs atkal jauns Murgs. To atnesa baltas lapas ar melnàm strihpiņam. Kas tajâs pawehràs, — redseja debesis satumstot, meschus un muhrus sagruhstot, zeemus leesmam aprijot, silas un sarkanas ugunis usleesmojot . . .

Un tagadnes gars atplehta sawu rihkli un kleedsa: «Tas, ko tu reis redsejis, dsirdejis, bij Nahkotnes soļu doma — nesiņâ slehptàs Nahkotnes . . . Tas bija Murgs, bet te esmu es — Tagadne, ès — Ihsteniba.»

«Murgs un nekas wairak,» eesauzàs Pagahtnes gars. „Tikai tas, kas Mans — Ihsteniba . . .»

Bet dwehsele gaidija, ko teiks — Nahkotnes gars . . .

Artura Behrsiņa

Teatrs kaŗa laikâ.

Waj teescham juhs teatri newarat wairak par wisu mihlet pasaulé, isņemot pateesibu. Un teescham waj tad teatri nesaweenojas wisi daļo mahkslu jaukumi, baudijumi, eedwesmejumi? Waj tad wiņsch naw weenigais muhsu juhtu patwaldonis, kursch katrâ laikâ un wisós apstahkļós eerosina un sawiļņo muhsu juhtas, kà weesuļus sazeļ smilschu wehjputeni Arabijas stepés, kuram naw ne gala, ne malas? Kuŗam wehl no mahkslas ir tik warent lihdsekļi ar eespaideem pahrwaret dwehseli, un ar winu rotaļatees pehz paschas gribas. Beļinskis.

Kaŗam weenmehr bijis nenoleedsami leels eespaids us teatri un us literaturu, kà jau wiseem leelajeem wehsturiskajeem notikumeem. Tas ir sadrotams. Leelôs notikumôs wisam zitam pahrejam nepeegreesch wairs usmanibas un to atstumj atpakaļ, jo ļauschu masas apņem weenadas juhtas un weenadas wehleschanàs. Rodas rakstneeki, kas grib isteikt schìs weenadàs juhtas, pahrdsihwoto pastrihpojot ar redseteem un no ihstenibas ņemteem, bet daschreis ari isdomateem notikumeem, lai tàm buhtu jo leelaks eespaids un aisrauschanas spehks. Lasitaju wairums bes dsiļaka nowehrtejuma un pahrbaudijuma to peeņem wisu par ihstàm wehrtibam. Sakarsetà fantasija teek apmeerinata, eerosinatee, bet lihdsswaru neatraduschi ļauschu prahti dabù jaunu materialu pahrdomam un apspreeschanai. Ja ar to peetiktu mahkslas darbam, tad sawu usdewumu tas buhtu ispildijis. Bet ja tahdam

darbam usstahdam ari mahkslas prasibas, tad wiņsch nobahl un nepamanits pasuhd. War sazit, ka gandrihs wisi darbi, kas raditi teeschi leelôs wehsturiskôs notikumôs, bes isņehmuma pasuhd tikpat ahtri, zik ahtri tee wajadsibas speesti un apstahkļu issaukti, parahdijuschees us skatuwes. Pats wehsturiskais laikmets nekad naw radijis ari leelus mahkslas darbus. Laikmeta bagatigo weelu ismanto plascheem mahkslas darbeem, kas atspoguļo sewî dsiļakos pahrdsihwojumus mahkslas formâ, tikai wehlak, kad eestahjas meerigas, sewî noslehgtas un noskaidrotas paschdarbibas laiks, kuŗsch par jaunu pahrwehrtè wisas dsihwes atsiņas un wehrtibas. Tas ir skaidrs, ka leeli notikumi un leeli traģiski pahrdsihwojumi naw pilnigâ mahkslas weidâ eetwerami tad, kad tee paschu laiku dsihwê isweidojas.

Tagadejais kaŗsch radijis spezialu kaŗa literaturu, kurôs leelos jautajumus un grandiosos notikumus grib isschķirt un noskaidrot us weetas. Schahdi darbi atrod usņemschanu teatrôs. Dramatiķis tur par wajadsigu tuhlit atsauktees us notikumeem, weelu sewî nepahrdsihwojis un idejas nenobreedinajis. Wiņsch nesin zita neka, ka patapinat telegramas un awischu siņojumus sawahrstit weenkopus, peedomat atteezigas situazijas, ļikt usļeesmot naida juhtam un kaŗa lugas gatawas; tàs pirmâ kahrtâ eewehro publikas azumirkligàs prasibas. Sewischķi schîs sesonas sahkumâ katrs teatrs jutàs laimigs, ja wareja sawam repertuaram eeguht kahdu no daudsajeem schahda tihpa darbeem, kas saradàs ka sehnes pehz raschena leetus. «Dramu taisitajeem» bija pļauja, teatreem bija ko israhdit, bet ļaudim labu labà isskatischanàs. Un tas notika ne pee mums ween. Nahk siņas ari no zitàm walstim, ka tur tapat usnahkuschi mahksligi taisito un literariskâ siņâ banaļo ļugu pluhdi. Pat zitkahrt eewehrojami rakstneeki (Gerhards Hauptmanis, Leonids Andrejews un ziti) padewuschees weenas deenas prasibam, lai ispatiktu un paglaimotu ne wisai zildinamam sabeedriskam instinktam.

Jajautà, ko ar schahdàm lugam grib panahkt un kahda tàm wispahr nosihme mahkslineeziskâ siņâ? Modinat patriotiskas juhtas? Mudinat us usupureschanos tehwijas labâ, waj ari te gribetu ar mahkslas widutajibu usturet gara modrumu un stiprumu mahjâs palizejos? Ja tà, tad war teikt, schee gaŗlaizigee, lihds apnikumam warijetee un istaipitee motiwi no kaŗa notikumeem nepanahk ne weenu no saweem noluhkeem. Pateesà dsihwe par teem dauds stipraka, dsiļaka un bagatigaka; jo pahrdsihwojumi ap mums schalz kà pawasara pluhdi un nesadalitu aisrauj zilweku. Ko war dot darbi ar isgreestàm awischu siņam, kas brihscham wehl truhzigas un masak apstrahdatas, nekà awisês? Ko war dot trihs waj tschetri zehleeni, kas pee tam wehl ar noluhku darinati, kad esam redsejuschi sawàm azim leelos notikumus wiņu ihstenâ isskatâ? Teescham wisas tàs kaŗa lugas, kuŗas pehdejâ laikâ sarakstitas un israhditas, nestahw dauds augstak par sehnalu literaturu. Katrâ siņâ tee neisdewuschees darbi, kuŗu mahkslas wehrtiba stipri apschaubama. Augstàs tehwsemes juhtas ůn zehlo patriotismu tàs nespehj eedwehst, jo wiņu noluhks par dauds kails un neaissegts. Tahdas sajuhtas, kas naw raduschàs kà gariga nepeezeeschamiba un kas neisrit no pahrdsihwoteem azumirkļeem, paleek tahlas un sweschas un wiņas nepahrleezina. Tàs tukschas skaņas, kuŗas neatrod muhsu dwehselê atbalsi, tàs kà papira puķes, kuŗàm naw dsihwibas sulu un smarschu. Augstus idealus un garigu stingribu war sekmet tikai ta mahksla, kas skatas pahri weenas deenas prasibam, kas aiskustina muhschigos jautajumus, bet ne darbi, kuŗâ naw ne radoscha gara, ne rakstneeziskas isjuhtas.

Teatrs — kà Beļinskis aisrahda — peeder pee tàm mahkslam, kuŗàm spehzigi lihdsekļi darit eespaidu us zilweka dwehseli un to wadit noteiktâ wirseenâ. Waram prasit, lai teatrs leelôs pahrdihwojumu brihschôs stahw sawâ sarga weetâ. Wiņam saws usdewums un peenahkums. Gan mehds aisrahdit, ka kaŗa laikâ musam jaklusejot. Bet tahdàm domam truhkst attaisnojuma, jo kam gan wehl leelaks eespaids us zilweka garu kà mahkslai, kuŗa sewî slehpj leelu etisku spehku. Ja ir jaklusè, tad jaklusè, jo tà war isteiktees, tàm weeglam musam, kas pabalsta tikai isdsihwi un dsihwes baudu. Kaŗa laikâ, kad nahwei tik bagata pļauja, teatrs nedrihkst aisrautees no weegla farsa (ká tas bija Parisê 1870.), ne ari no neihstàm un darinatàm lugam, lai ari tàs rakstitas par deenas jautajumeem. Garigu atspirdsinajumu sneegs tikai ihsti mahkslas darbi; nepahrejoschàm mahkslas wehrtibam jastahw pirmâ weetâ. Netuwojatees laikmeta ismozitai zeetejai sirdij ar ahrischķibam — tàs nedod neka, jo tàm naw satura. Teatris lai ir ka schķihstischanas uguns, lai wiņsch ir awots, no kuŗa iswerd dsihwibas spehks us wisàm pusem. No ta lai wisi smeļ spehkus nahkamàm zeeschanam, kuŗas tad mums wairs nebuhs tik schausmigas un kuŗas wairs nebaidîs ar sawu smagumu. Zilweks wisu war panest, jo tas atguwis dwehseles meeru un garigi stiprinats. Kaŗa laikâ teatrim wispirms jaaudsina schis garigs stiprums. Tas palihdsès atrast lihdsswaru un dos dsihwes pahrleezibu, ne pabalstidams tukschu plahtischanos un tehwijas mihlestibu, ne, ne. Teatrim jausstahda augsti ideali ne jausstahjas par zilweka gara brihwibu un neatkaribu. Pilnigakas un gaischakas nahkamibas mekletaji un skaidrakas zilwezibas kaŗotaji lai walda

teatrî. Teatrim kaŗa laikâ wairak kà jeb kad japabalsta dsihwes preeks un jasekmè peenahkuma apsiņa kà pret sewi, tà pret ziteem. Atraudams skatitaju no deenas asiņaineem skateem un schausmu pilneem notikumeem, teatris lai gaischi un nepahrprotami sludina, ka zilwezibas pateesibas, garigu eeguwumu mihdischana kahjam un mahkslas ņeeminekļu nekautriga isnihzinaschana, ir tikai pahrejoscha laika parahdiba, meschonibas atleeka un brihscham iswirtuschu zilweku roku darbi, ka leelgabalu stobri un warmahzibas nespehj isdsehst un sagraust muhsu neschaubigo tizibu us kulturas galigo uswaru. Ņedwehsmejoschàs mahkslas wehrtibas lai pausch, ka bes nahwes ir dsihwe, bes brutalas waras teesibas un muhschigas wehrtibas, bes ispostischanas ari radoschu un swehtibu nesoschu zilweku darbs.

Teatrim, lai tas ispilditu godam sawu usdewumu, jaatsakas wispirms no kaŗa lugu pluhdeem un no wisàm banalam joku lugam, kuŗas paschas galwenàs daudsu teatru repertuarôs. Mahkslas darbeem ar zehleem mehrķeem, plaschu dsihwes skatu, ihstàm un pateesàm juhtam, paschdarbibu, eerosinajoschàm domam, kas zilweku atjauno katru deenu, jaņem wadoschà loma teatra repertuaros. Katra tautas rakstneeziba, gan klasiskà, gan modernà, sneeds darbus ar nepahrejoschu mahkslas wehrtibu, kas peeeet tuwak dsihwes saturam. Schos darbus atrast peenahzigi, sagatawot, lai tad pasneegtu publikai skaidrâ mahkslas formâ — ir teatra usdewums, kuŗu wiņam usleek laikmeta prasibas schajâ pahrdsihwojumu laikâ.

P. Blau'a

Nesinams waronis.

Tu zentees — stunda sita,
Bij azis tew aisdarit . . .
Kur tawa galwa krita —
Kas to war pasazit !

Ne kapu kopa wehsta,
Kur dusi guldinats ;
Ne mihla puķes tur dehsta,
Ne wahrdu peemin kahds.

Un weltas zeres maldàs,
Kas nahk no dsimtenes,
Tàs gaidot nenowaldàs
Un ilgu puķes tew nes . . .

P. Blau'a.

Laime.

Ļauds noleez skumji galwas,
Ka laimes neesot
Un sawas burwja balwas
Ta waira nenesot.

Ta nahk us mani kailu
Un ruhpju apstahtu,
Un dara mani daiļu
Un dara bagatu. —

Bet laime, ká arweenu,
Wehl klusi apkahrt eet,
Sneeds balwas katru deenu
Un burwju dseesmas dseed.

Kas sin', kur mihla smaidit,
Kur wiņa raudat eet,
Tur ejat wiņu gaidit,
Tur wiņu sastapseet.

Karļa Eewiņa

No kapsehtas.

Slihd upe sposcheem lokeem
Gaŗ kapu kalna kahjàm . . .
Es wezos wahrtus weŗu
Un eju atkal us mahjam.

Un, sahrto krustu preekschâ,
Kluss wahrds man sirdî weesàs:
Tur miruschee guldinam gaida
Sew blakàm mihļo meesas. —

Ķehrz, semu riņķodami,
Pahr preedem wahrnu bari —
Es atskatos: kapu krustos
Deg pehdejee saules stari . . .

Schis laiks ko isswaidijis
Pa kapenem sweschàm un ziltim —
Teem nebij nolemts duset
Sem weeglàm tehwu smiltim ! . . .

Kriht klusu wezâs ligsdâs
Starp preedem wahrnu bari —
Us tumscheem kapu krusteem
Dseest pehdejee reeta stari . . .

Annas Brigader

Sihme grahmatâ.

Es schķirstu tawâ grahmatâ
Un — pahri daschai rihmei —
Stihd skats un pirksti peeduras
Sen eelozitai sihmei.

Nu netihk man schìs rindas wairs,
Ne ar starp rindam lasit,
Bet weenigi tik gribetos
Schai senai sihmei prasit.

Un weenigi tik gribetos
Lai gars mans kopâ kustu
Ar tawu, nu to brihnumu
Ko tu reis jutis, justu.

Man schķeet: tad bija pawasars
Un gulbji pahri skrehja,
Pahr seedu birsi saigodams
Rihts sawu seltu lehja.

Sirds saldâ smeldsê kuhseja . . .
Ak schaurà tehwu sehta,
Ak paraduma neeziba,
Un ikdeena, zik lehta!

Pahr tewi nahza sweschais gars,
Kà lihgsmojoscha auka,
Taws nedsihwotais pawasars
Tas kaut kur — ahrâ — plauka.

Ar dsiņu spehku warenu
Tu pats sew zeļu rahdi,
Un atbildet tik pascham bij,
Ko leedsi sęw, ko ļahwi.

No saldà mulsu reiboņa
Ko weltija tew brihwe.
Bij weeglis rokâ likteņswars,
Bij jauks schis sapnis — dsihwe!

Wehl dahrgs tew dsihwes solijums,
Wer wiņas balbam klehpi!
Bet stunda nahks un wehlejums
Ko tu wehl pats sew slehpi.

Kaut waretu jel atpakaļ
To zeļu — kà mehs tapam —
Pee senàs sihmes, grahmatâ
Ar dseltejoschàm lapam.

Hansa Schmidta

Us tilta.

(Ar autora sewischķu atļauju tulkots schim isdewumam).

Diwas straumes es sinu, kuŗâs eekschâ mestos,
Lai pahr mozoschàm domam meera rokâs plestos.

Ta ween dsihwes mutuļoschà straume trakà;
Par welti daschs labs tur sew kapu raka.

Ta otra tur, lejâ, sawus wiļņus weļ klusi —
Lihds schim ta neweenu naw peewihlusi.

Bet abas tàs attekas tikai no weenas —
Tàs leelajâ Letâ kopâ seenas.

Kas melnajâ wisumâ juhŗâ ņem galu,
Kuŗas dsiļumeem mehra naw ne plaschumam malu.

Tulk. Lt.

Pahwila Grusnas.

Karalis.

Kaŗsch.

Karstako kauju rajonâ neleela pilsehtiņa. Eelejâ, kà katla dibenâ, kà no pasaules noslehpusès.

Bet ari wiņu kaŗsch usmeklejis, un jau diwas reises abas naidneeka armijas pilsehtiņai, kà newarigam lihķim, pahri soļojuschas. Un tad ari tur agrakàs peetizibas weetâ redsami isnihzibas kankari dsiļi sistas bruhzes un drupas. Un guļ tur katla dibenâ sakropļots ģindenis.

Pilsehtiņas mirstigàs atleekas paschulaik neitralâ sonâ, jo eenaidneeki us ilgaku laiku eerakuschees un nozeetinajuschees abpus sawam upurim.

Pilsehtiņâ paschâ nahwes klusums. Tikai pahri tai brahschas kaujas troksnis. Un it kà no tschuguna mahkoņeem pa reisai wiņâ nokriht smaga tschuguna leetus pile. Isplehsch akmeņos jaunu bruhzi, un isschķihst us wisàm pusem, kuhpedama un schķindedama, neganti gaisu un putekļus kuldama. Dsihwee pilsehtiņu jau atstahjuschi. Us eeliņàm un pusê sagrautâs mahjâs palikuschees tikai wihreeschu, seeweeschu un behrnu lihķi. Teem blakus nahwes dusâ ustiziga wistiņa un klehjoja sunits.

Negaudo wairs suņi. Kaķi sogas gaŗ seenmalem un atstahtâs mahjâs rihkojas schurkas un peles. Kahpj pat us jumteem un kà manigi isluhki raugas us uskalņeem ais pilsehtiņas, kur wulkana troksnis un ugunsgrehku blahsmas.

Un schinî apraktâ pilsehtiņâ, schinî masàs kulturiņas kapâ, ir tomehr atlizees weens dihwains kulturas seeds. Elpojoschs dsihws un aktiws zilweks.

Schauschaligâ nakts klusumâ no kahda pagraba dsirdama sehra basnizas meldija. Welkas wiņa stundam gaŗi. Kad bals ir nogurusi, pehz

pauses dsirdama krahkschana, smagi murgu sauzeeni, kà zihņa starp meegu un nahwi. Un rihtam austot, weenigais dsihwais pilsonis ęet apraudsit sawu pilsehtu.

Wiņsch te weens. Wiņam pilsehta ustizeta lihds teem laikeem, kad te atkal sahksees jauna dsihwe us wezàm drupam.

Lihds tam laikam wiņsch par schìm drupam ir neaprobeschots waldineeks.

Wiņam weenam tagad peeder wisa pilsehta. Un lepni wiņsch soļo pa klusàm eeliņam, un smejas behrna smeekleem par granatam, kas lido pahri pilsehtai. Tàs wiņam leekàs, kà sanoschas bites wasarâ, kas saldu medu nes. Luhk, weena otra netahlu no wiņa nokriht tà, kà seme sadrebas. Un wis bischu strops salihgojas un bites neganti eesihzas un apklust. Bet wiņsch pats — pilsehtas waldineeks tikko kahjâs noturas . . .

Waj tas naw jozigi?

Kahds meers, kahda swiniba, kahda augsta, isredsetà aizinajuma apsiņa wiņa sejâ! Ja, pirmo reisi muhschâ wiņsch sajuhtas, ka ir reisi kungs, pilnigs kungs, ne tikai par sewi, bet ari par wisu, kas wiņam te apkahrt.

Wiņa preekschâ tagad te wis pasemojees. Un wiņsch neissakami zehlees. Kas tagad waretu ar wiņu te pilsehtiņâ mehrotees? Neweens.

Luhk, lepnakà pilsehtiņas bagatneeka mahja. Senak wiņsch nedrihkstetu te ne soli pahr sleegsni spert. Tagad wiņsch eet droschi eekschâ, kà wezs pasiņa, kà mahjas draugs. Sehschas teeschi pee galda. Un ja grib, atdusàs pat mihkstâ siltâ, paschas skaistàs kundses gultâ. Ar wiseem netihreem sahbakeem.

He, he!

Wiņsch droschi nokahpj pagrabâ. Ismeklejas kas atlizees un kas wiņam patihkas. Kahri smaididams, atwer paslepenàs pagraba durwtiņas, par kuŗàm bij senak tikai tenkas dsirdejis. Iswelk no tumsas gaismâ wezu dsirkstoschu un tik gahrdu wihnu . . .

Un sarihko sew karaļa dsihras.

Tà wiņsch te war wehl ilgi dsihwot. Waj wisu muhschu. Jo wiņsch nekad wehl lihds schim naw dsihwojis.

Lihds schim aisween wis preeksch wiņa dsihwê ir eekahrtojees otradi. Ziti ir dsihwojuschi. Wiņsch tikai zeetis dsihwes slahpes un mokas. Un raudsijees ar badu kahru skatu, kà ziti dsihwo.

Ziti ir smehjuschi, bet wiņsch — raudajis. Ziti mihlejuschi — wiņsch tikai nihdis, Ziti naudu skaitijuschi, — wiņsch zaurumus sawos lindrakos.

Wiņsch ir sawu zepuri zehlis simteem. Wiņam neweens. Ziteem gods — wiņam negods. Kad usnahza breesmu deenas, ziti glahba to, kas wiņeem bij. Bet wiņam nebij neka ko glahbt. Ziti nosuda — bet wiņsch palika . . .

Un wiņsch nebij maldijees. Simtkahrt ne.

Luhk, wiņsch reisi dsihwo!

Smalkakâ wasaras apģehrbâ. Laikam no sihda, skaidri balts, — baltaks, ka ahrâ us eelas apkuhpuschais sneegs. Siltâ damas rotondâ, ar dahrgàm swehru ahdam margotâ. Balti zimdi un melns, sposchs zilindris galwâ. Darbs tik paraudsitees spogulî. Kahds dischenums. Un agrak wiņsch bedres tihrija! . . .

Kad labi paehd usdser wihnu, issmehķè labu zigaru — tad wehrts ir dsihwot. War ari wezâ laikrakstâ un grahmatâ palasitees. Bet naw jau waļas. Wiņam japahrsin un jawalda sawa pilsehta. Wiņsch tagad neismehrojami bagats.

Zik wiņam skaidrâ naudâ samaksatu par scho pilsehtu Rotschilds? Ja wiņsch to peedahwatu tà sem rokas? Waj wiņam buhtu tikdauds naudas?

Kahda skaistule tagad atteiktos wiņu skuhpstit?

Un kà wiņsch wisu muhschu slahpa pehz mihlestibas!

Kaut weenu dsihwu seeweeti! Wiņsch wiņas preekschâ zeļos mestos. Un usdseedatu skaistako no dseesmiņàm.

Bet welti wiņsch apstaigaja eeliņas, welti ismeklejàs mahjâs, welti klupa pàr weenu otru wezenites lihķi. Nebij dsihwa zilweka. Tikai lihķu smaka wiņam pakaļ dsinàs. Kopâ ar slapjdranķa pahrslàm krita us peeres, lihda mutê, lidoja katrâ elpas wilzeenâ. Labi, ka wehl naw wasara.

Luhk, guļ pee sawàm durwim wiņa naidneeks, kas wiņu aisween issmehja.

— Smehjees nu, ja spehji! Eh, kà es tagad waretu tew atreebtees! Bet negribu sawas rokas aptraipit. Tu man klingeri nenoleezees, tad sche nu tew wesela maise, rij nu! Bet tew jau naw wairs weena schokļa kaula. Kà tad tu ehdisi? — He, he, he!

Nost no zeļa wisi, kad es eju! Es reis eju!

Luhk, kur guļ sneega schineli puisis, kas wiņam reis tihkojamu meitu atwihla.

— Sche tew bruhte! Un wiņsch paķehra lihķi ais kahjas, wilka gabaliņu pa eelu un nometa blakus zuhkas tuschai.

— Tu wisu muhschu tihkoji tikt par pilsehtas galwu un mani lamaji par suni. Nahz nu un paskatees, kas nu ir suns, un kas ir pilsehtas galwa! Tew wehl weena azs ir peerê.

Un wiņsch wilka kahda tirgotaja lihķi us pilsehtņas domes namu.

Pa zeļam eespeeda sastinguschâ miroņa rokâ kahdam zeenigam wezim naudas gabalu.

— Tu man dsihwê to leedsi, tad nu tagad es tew waru nabaga grasi pasneegt, ar wisàm prozentem.

Domes sahlê wiņsch usstahdija us leelà saļà galda plato preekschsehdetaja krehslu. Istaisija pee galda tà kà troņa pakahpes. Pahrklahja wisu ar tepiķeem un portjeràm. Sarindoja krehslus. Kad wis bij kahrtibâ un tronis peenahzigi dekorets, wiņsch steidsàs us eelas.

Wilka lihķus sahlê un sehdinaja krehslos. Kuŗi lahgâ neturejàs, peesehja ar striķeem. Un kad tà sahlê bij jau peeteekoschi dauds pilsoņu, wiņsch apsedsees ar leelu strihpotu gultas segu kahpa improwisetâ tronî. Un sahka swinigu runu.

— Ais swarigeem eemesleem es saaizinaju scho pilsoņu sapulzi. Es pawehlu eewehrot, ka neweens zits, ne tu, ne wiņsch, ne wiņa, bet tikai es nenoleedsami esmu wisas pilsehtas galwa. Man peederat juhs wisi un juhsu manta un mahjas. Man peeder wisa pilsehta. Un tamdehļ jums buhs mani klausit. Man peeder ari juhsu dsihwibas. Es esmu ta galwa, bes kuŗas juhs neneeka newarat. Newis suns, par kahdu mani senak sauza tas noschehlojamais, kas tur tagad sehsch ar weenu azi. Un ka juhsu gariga un meesiga galwa, es ismeklejos no juhsu widus sew zeenigu prinzesi. Nahz, tu jaunakà reņģu pahrdeweja un sehstees man zeenigi blakus. Es tew palihdseschu. Tà. Un tagad wisu sapulzejuschos pilsoņu preekschâ, es no scha mirkļa sewi issludinu par wisa posta . . .

Neisskaneja wehl pilnigi beidsamais wahrds, kad neschehligs zirteens isurbàs zauri wisai sahlei. Breesmigs sprahdseens satrizinaja gaisu, sagrihļoja seenas, issprahga schķindedami logi, wis sajuka duhmu putekļu un isnihzinatu preekschmetu chaosâ. Kad wis norima, — wiņch sehdeja drupu kaudsê, sawâ tronî lepni isslehjees, — bes galwas . . .

Annas Brigader

Aglawène.

Newaizà, kadehļ es skumu.
Slahpsti! Kaisti! Wisàm suhzem,
Kà is dsiļi schķeltàm bruhzem
Smel scho swehto noslehpumu!

Ļauj lai tawâs rokâs grimstu,
Wisu sahpju atraisita,
Pagahjibas atpestita
Lai no jauna ilgâs dsimstu.

Kokle, kas pehz dseesmàm teezas
Wisa kļuwuse es skaņa,
Un ik asins lahses mana
Seeds, kas tawâ saulê leezas.

Neteiz laime, neteiz bauda!
Tas tik mirkļa skurbais dsehrums,
Ja tew naw kà mirkļa twehrums
Nebeidsamu muhschu jauda.

Muhsu sirdis, leesmâs kurtas —
Widû saulê wiņàm weetas,
Widû semê wiņas seetas
Tuhkstosch schķehpeem zauri durtas!

Fr. Bahrdas

Kaŗâ kautas dwehselites.

Kaŗâ kautas dwehselites
Silôs mehneschdahrsôs lihgo,
Uswaras un zihņas dseesmam
Sidrabotas kokles stihgo.

Dunedama, dahrdema
Asinîs waid seme tahli,
Kur kà tumschi schausmu beedi
Gulstas nahwes iskapts wahli.

Mehneschmeitas dsidri bahlas
Swehtî nahwes pļauju dusâ,
Kaŗâ kautas dwehselites
Aisnes mehneschdahrsâ klusâ — —

Semes mahte, Semes mahte,
Kur nu tawi staltee dehli?
Kaŗâ kautas dwehselites
Nopuhschaș wehl gaisôs schehli . . .

Muhscham dsidras, muhscham brihwas,
Nu tàs besgalibâ lihgo.
Uswaras un zihņas dseesmàm
Sidrabotas kokles stihgo.

Ed. Wulfa

Templî.

No dsidra kristala simts kroņlukturu welwê —
Un sidrabswani augu deenu swana.
No karstàm luhgschanam eet schalkas milsu templî.
Tur ļaudis raud pehz pasuduschà gana.

Ai, sahpes greesch, ai, sahpes gauschi moka,
Ik skats wehrsts waska swetschu bahlâ plihwâ.
Mahs', klaht man kļanjas tawa aukstà roka,
Brahl', kà man bail no tawa skata stihwà!

Wald', wald', jel wald' un esi kungu Kungs,
Nahz dimdoschs pehrkoņos un runà dusmu swelmê.
Trihz wiss, gruhst wiss, ļimst, grimst bes weida dselmê, —
Kur tagad mitisi, Tu kungu Kungs?

Pehz sarkansahrta leetus seme salka;
Ta padsehràs, tai, kungu Kungs, un gana —
Nahz dimdoschs pehrkoņos pahr teem, kas naida alka,
Mums baltos sibschņos waigs taws japamana
Un biklâ sapnî jasaņem kà alga
Mairihta klusà behrsu birschu schalka . . .

Puleera padehla

Spezialisti.

„Strihpul', ehe! Pagaid! Kurp skrej kà wehjsch?"

„Ah, sweiks Wihpul!"

„No «wehtras basunes» redakzijas?"

„Ja."

„Aisnesi?"

„Aisnesu."

„Par kaņu?"

„Par kaņu."

„Zik par rindu?"

„Pusotra. Lonè rakstit. Tak saws peezneeks par nedeļu."

„Pehz ka tu raksti sawus kaņa stahstus? Pehz «Birschowkas» waj «Russkoje Slowo»?"

„Es wakar, sini, pehz «Kopeikas». Tur wairak fantastiskà elementa. Un tad lehtak isnahk nopirkt."

„Naw slikti ari isleetot wezus materialus. Peemehram, par japaņu kaņu. Laba leeta. Pat turku kaņsch der. Man ir mahjâs tahds weens wezs «Latweeschu Awischu» gada gahjums."

„Man tagad padomâ rakstit stahstus no angļu kaņa lauka dsihwes. Tikai gruhti ar teem angļu wahrdeem. Neisnahk nekahds plaschums. Es wairak nesinu, ka Dschordschs, Roberts . . ."

„Roberts naw preekschwahrds, bet uswahrds."

„Wehl sliktaki . . . Dschordschs, Robinsons, Merija, miss, sers, smokings . . . Wairak angļu wahrdu es nezinu . . . Un ar teem prèeksch stahsta tatschu nepeeteek . . ."

„Ja, ar frantscheem weeglaki. Man weena ģimnasiste pasihstama . . . Sini, Maņa no Gawrilowas ģimnasijas . . . Ta sin franziski . . . Pat weseļus teikumus . . ."

„Kad tu raksti?"

„Es wairak pa nakti. Pee sweces gaismas. Sini, tomehr tà baigaki. Fantasija wairak strahdà. Dabuju tahdu pelnu trauku — miroņa galwa. Eeleeku swezi eekschâ — schausmigi. Ais seenas man weens kurpneeks dsihwo. Tas zaureem wa-

kareem dseed saldatu dseesmas ... «Пи—и—и—ишетъ намъ солтанъ турецкой» ... Kà us kaŗa lauka ... Rodas stimmunga ..."

„Tas ir labi ... Buhs jaismehģina, Wihpul... Sini, es pat waru radit kaŗa lauka ilusiju wispilnigakâ weidâ ... Man ir peemehram tahda apaļa uhdens kruhse: granata! ... Un tad man ir weens wezs tschemodans ... To peekahrschu pee greesteem ... Tu sini, us kaŗa lauka wiņi schauj ar tschemodaneem ..."

„Bet tee tatschu naw tahdi tschemodani ..."

„Ek, wiss weens ... tschemodans paleek tschemodans ..."

„Kas tad jums tas faktiskais redaktors?"

„Schķirbuks. Eewahz sludinajumus, sihmè wahka bildes un rediģè."

„Un dauds lasitaju?"

„Buhs kahdi peezi tuhkstoschi. Mehs tà wairak par masàm pilsehtam — Schenberģi, Bausku, Kandawu, Smilteni ... Ar Schķirbuku waretu istikt, ja wiņsch to polituru tik dauds nedsertu ... Bet kad peedseras, tad paleek traks: neka wairs neatsihst. Visu atrod par pahrspihletu."

„Ja, gruhti ar teem redaktoreem. Nu, sweiks!..."

„Sweiks, sweiks! ... Eh, pagaidi, waj tu nesini, kas tas ir fugass?"

„Fugass ... fugass ... tas, sini, ir tas pats, kas haubiza, tikai drusku mazaks ... Sini, tas ir franziski ... Franziski, haubiza, bet angliski fugass ..."

„Ah, paldees ... Es atkal domaju, ka fugasi ir tee, sini, no Afrikas, tee melnee frantschu saldati ..."

„Ne, tos sauz par schokejeem, sini ..."

„Ah, paldees! Sweiks, Strihpuļ! ..."

„Sweiks, Wihpuļ! .."

Lihgotņu Jehkaba

Slepkawa.

Seedoņa saulei lezot Daba paņehma no sawa klehpja semes pihti, eepuhta tanî dsihwibu, un jaunu un saļoksneju raidija pasaulê Zilweku.

Lai Zilweks ļuhtu laimigs, Daba dewa tam lihds pawadones: Jaunibu, Draudsibu, Godsirdibu un Mihlestibu.

Dsihwe rihkoja dsihru galdu. Jauniba sauza ari turp Zilweku.

Zits zitu samihdami, gan no zeļa nost gruhsdami, gan weens par otra galwam, gan kahju weens otram pasisdami preekschâ, gan slepus weens otru eewainodami zilweki steidsàs turp us Dsihwes dsihru galdu.

Zeļâ Draudsibai notika nelaime. Draudsiba luhdsa palihgu no Zilweka. Beeschi wiņa bij ispalihdsejusi ari Zilwekam. Tad padewusi tam roku, kad tas grima staignajâ, tad rahdijusi uguntiņu, kad tas naktî grasijàs apalotees. Bet sneedsot palihdsibu Draudsibai, Zilwekam buhtu nahzees drusku nokawetees pee Dsihwes dsihru galda. Ar rupju roku Zilweks aisgruhda prom Draudsibu.

Bet no jauna radàs kawekļi Zilweka dsihwes zeļâ. Gan nabadsiba, gan konkurenze, gan Zilweka weenkahrschais dsimums. Wisur Zilweka Godsirdiba gahja tam pa preekschu, neļahwa nekur melot, lischķet, ne par naudu pirkt peekritejus, ne kluset kur jarunà, ne ļsdabat semes stiprajeem.

Zilweks saskaitàs us Godsirdibu par to un padsina wiņu.

Sahņus no Dsihwes dsihru galda, pa atsazischanàs, weentulibas un truhkuma zeļu weda Mihlestiba un solija sawu kluso laimi.

Zilweks noraudajàs, bet atsazijàs no Mihlestibas. Wiņas dehļ tam buhtu peenahzees saudet stahwokli, zeņu, dsihwes ehrtibas... Bes tam wiņsch wareja iswehletees tagad sew seewu no augstas ģimenes, ar sakareem.

Nu Zilwekam gahja leeliski us preekschu. Wiņsch paskatijàs — pakausis bij pliks, Jauniba nemanot to bij atstahjusi. Bet par to wiņsch sehdeja pee Dsihwes dsihru galda paschâ lepnakajâ weetâ, ehda, dsehra, baudija, zik ween sirds un meesa spehja ņemt pretim.

Jo Zilweks ehda, jo wairojàs ehstgriba. Ar katru deenu wiņsch peeņehmàs brangumâ un tuklumâ. Bet zilweka eekscheenê bij kas miris, ko neweens wairs newareja ne uszelt, ne atdsihwinat.

Zilweks bij nokawis pats sawu Dwehseli!

Ludwiga Schanteklera

Anketa par kaŗu.

Eewadam.

Kà katris kaŗu juht,
Kà katris kaŗa laiku wada,
To schito rindu rakstitajs
Tik sinat tikko.
Un tapehz anketu tas rihko
Ar skubàm.
Nahk atbildes ar gubam:

Awischneeks (red.).

Kaŗsch laba leeta,
Jo eewadrakstu weeta
Ar kaŗa siņàm pildita
Un wisa tauta sildita
Ar lasischanas kahri —
Tik kaŗa siņas wahri!

Dsejneeks.

Kaŗa wehtra, kaŗa domas,
Kaŗa siņģu pilnas somas.
Tikai romaneem un stahsteem
Awisēs wairs weetas nawa.

Ahrsts.

Dauds koleģu us kaŗa lauka —
Bet palikuscheem dsihwe jauka.

Musiķis.

Krogi klusi,
Balles nawa,
Skumji taure kaktâ ruhs . . .
Wehders jautà:
Kas nu buhs?

Jaunà Teatra akteers.

Jau pagahjuse „Nanniņ“ prahwa,
Kur muhs pee soda galda rahwa,
Nu muhsu frontē meeri mitìs,
Lihds kamehr kaŗa bungas sitìs.

Interima akteers.

„Kulturas swehros“ leela bļauschana,
„Lenorē“ gauscha raudaschana,
Bet kaŗa siņas naw laika pehtit —
Tikdauds lomu, ak tu tehtit!

Lauku akteers.

Preeksch kareiwjeem es spehleju
Waroņu tehwu,
Tak awises atsina mani
Par gļehwu.
To kaunu!
Buhs japahrspehlè loma schì
Par jaunu.

Adwokats.

Kad kaŗsch un moratorijs walda,
Naw dsihwe salda.
Kad kaŗsch un krogi zeeti,
Mas ķildu un mas kauschanàs —
Pee teesàm masak rauschanàs —
Kaŗsch nekam neder leeti.

Skolotajs.

Ik skolneeks prahwaks
No skolas schmauz,
Ik deenas pahri seņķu
Us kaŗa lauku brauz.
Ja ilgi kaŗsch tà nowilksees,
Tuksch skolas nams tad paliksees.

Septitàs klases ģimnasiste.

Us „katoka“ ir gaŗlaizigi ļoti:
Slikts ledus, nawa musikas;
Us kaŗu kawaleeri,
Ak tawu sliktu amiseeri!

Elementarskolas skolneeks.

Tehws kaŗâ, brahlis ari,
Lai dsihwo pasaul's kaŗi!
Neweens wairs kas us mani kleeds,
Kas papirosus pihpet leeds!

Nama saimneeks.

Kaŗsch ahrsemneekus aisdsina
Man masak pahris ihrneeku.
Waj smejees nu jeb lahdi,
Zeet ween scho kaŗa skahdi.

Bodneeks.

Kaut zenâ zukurs, maise zeļas,
Us pirzejeem tak smagums weļàs!
Kad prezem uszehrt grasi —
Nu, kapeiziņu prasi.
Ta kaŗa laika dahrdsiba
Man peļņa bet ne wahrdsiba.

Kinematografa ihpaschneeks.

Kaŗa bildes, kaŗa bildes,
Dramas gahsa gruwekļôs;
Reklamas wehl asinainas —
Publikas tad kà waj luhst,
Nauda kasē pluhstin pluhst.

Krodsneeks.

Es wihstu un nihkstu kà puķe,
Schuhst pudelēs pehdejà dsira:
Ak kaŗa laiku sausums man
Ihsts kapa razis ira!
Ar alus un schnaba nihkschanu
Man preeki un zeribas mira.

Kolporteers.

Kad „Pruhschu zuhka“ taschâ,
Ej dsimtenē tad plaschâ.
Dod ļautiņeem scho baudu
Par skaistskanoschu naudu.
Lai dsihwo kaŗsch un lubas,
Lai krahjas naudas gubas!

Дозволено цензурою. Рига, 20 февраля 1915 г. — Печатано въ типографіи «ЛАТВІЯ», Рига, ул. Паулуччи № 15.

Цѣна
Maksà 50 коп.
кар.